

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Такси для
ангела

Виктория Евгеньевна Платова

Такси для ангела

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124283*

Такси для ангела: Э; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-98683-5

Аннотация

Съемка телепрограммы с участием звезд женского детектива, которую устроил в своем особняке меценат-богач, так и не состоялась. В день приезда умерла на глазах всех присутствующих, выпив бокал шампанского, королева детектива Аглая Канунникова. Читатели ее боготворили, коллеги по перу ненавидели. Сама ее смерть напоминает классический детектив... Собравшиеся оказываются отрезанными от мира, хозяин уехал, телефон не работает, особняк охраняет свора злых собак. Расследование начинают двое – оператор, снимавший встречу, и секретарь погибшей – Алиса. На подозрении все. Слишком много улик против каждой из пишущих дам, которые готовы сожрать друг друга, как пауки в банке...

Содержание

Часть первая. Глоссарий[1]	5
Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	117
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Виктория Платова

Такси для ангела

© Платова В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Все события, происходящие в романе,
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми – случайно.
Автор*

Часть первая. Глоссарий¹

«... – А ты здесь откуда? – спросила Королева. – И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!»

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

– Твой путь? – переспросила Королева. – Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои!»
Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог

Убийство

...Бокала Ей не хватило.

Она была единственной, кому не хватило бокала. Единственной из шести женщин и четырех мужчин. И одной собаки, хотя никому бы и в голову не пришло предложить шампанское собаке.

И на три минуты – ровно столько понадобилось официанту, чтобы исправить оплошность, – это стало главным со-

¹ Глоссарий – собрание глосс (непонятных слов или выражений), обычно к отдельному произведению или автору с их последующим толкованием.

бытием вечера. Поводом для очередной демонстрации могущества, рассчитанной на телекамеру. И так идущей и Ее платью, и Ее бесстрашно открытым, ничем не украшенным ключицам, и перстням на пальцах, и бледно-восковому цветку в разрезе декольте. Это оценили все; во всяком случае, все придвинулись.

Все, кроме собаки. Она и без того сидела у Ее ног.

«Сука, – подумала Первая женщина. – Она просто издевается над нами! Даже из культпохода в сортир может сделать шоу, не говоря уже о шампанском. Сваляла дурака, чтобы лишний раз нас унижить...»

«Сука, – подумала Вторая женщина. – Какого черта я вообще согласилась участвовать в этом балагане? А ведь Иван меня предупреждал!...»

«Сука, – подумала Третья женщина. – Пропади ты пропадом! Дождешься, что когда-нибудь тебя прищучат. И будет за что, уж поверь. Судя по твоей физиономии, налогов ты не платишь... Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры...»

«Сука, – подумала Четвертая женщина. – Под хвост заглядывать неудобно, но, по-моему, все-таки сука. И порода восхитительная. Нужно переговорить с этой муреной о помете. Интересно, сколько она берет за щенка?...»

«Сука, – подумала Пятая женщина. – Ничего-ничего, пока все идет по плану...»

«Сука, – подумали все четверо мужчин. – Но до чего хо-

роша! На «переспать» никаких шансов, хотя, может быть, удастся проводить Ее до двери... И кто знает... В этом возрасте дверь обычно оставляют открытой...»

Наконец с маленьким инцидентом было покончено. Шампанское снова скользнуло в Ее руку, Она подняла бокал и обвела взглядом комнату. Последовал тост с упоминанием имени каждого из присутствующих. Милых, обаятельных, обворожительных людей. И таких красивых. По-настоящему красивых! Как жаль, что у Нее не было возможности познакомиться с ними раньше, но теперь, когда это произошло, – рога в землю, флот в гавань, шпаги в ножны, перемирие на всех фронтах. Капитуляция – полная и безоговорочная.

Если, конечно, никто не возражает.

Никто не возражал. Все признавали Ее первенство. Сжав челюсти, нагнув подбородки, сцепив пальцы, – все признавали Ее первенство. Ее превосходство.

Все сдвинули бокалы и чокнулись.

Она первой сделала глоток. Маленький глоток. И снова улыбнулась.

Вы не находите, что у этого шампанского странный вкус? Вы не нахо...

Бокал выпал у Нее из рук и разбился на мелкие осколки. Она сделала несколько шагов вперед, удивленно улыбнулась, перехватила пальцами горло и приоткрыла рот – как будто ей не хватало воздуха... А потом по Ее телу пробежала судорога.

«Ну вот, – подумала Первая женщина. – И здесь не удержалась от фиглярства! Давай вставай и кланяйся. Шоу маст гоу он, как говаривал покойничек Фредди Меркьюри...»

«Это не балаган, – подумала Вторая женщина. – Это вертеп. Это гиньоль. Это комедия дель арте. А ведь Иван меня предупреждал!»

«Некоторые и не такие штучки проделывали, чтобы вывезти активы за границу, – подумала Третья женщина. – Да, мать твою, не вовремя я ушла из прокуратуры!...»

«Какой дивный перстень, – подумала Четвертая женщина. – Пялиться на руки неудобно, но, по-моему, все-таки изумруд. И цвет восхитительный. Нужно переговорить с этой муреной о ювелире. Интересно, сколько он берет за огранку?...»

«Вот и все, – подумала Пятая женщина. – Вот и все, вот и все, вот и все... И как просто... Как просто, господа!...»

Все пятеро стояли неподвижно, и на них не было никакой надежды. Да и какая надежда может быть на женщин?

И тогда, собрав последние силы, Она повернулась к мужчинам. К четырем мужчинам. Вернее, к четырем мужчинам и телекамере.

Вернее – к телекамере. К ней одной.

Камера, опешившая так же, как и люди, все еще работала. И Она заглянула в нее, Она бросила в нее прощальный взгляд. И растянула губы – то ли в улыбке, то ли в гримасе. И, оторвав наконец руку от шеи, погрозила пальцем. Кому-то

или чему-то. Или указала. На кого-то или на что-то.

Но скорее всего это был ничего не значащий жест.

Через секунду Ее лицо налилось синевой, и Она, как подкошенная, рухнула на пол. И затихла.

– Врача! Позовите врача!..

Но первым рядом с ней оказался не врач, которого на этой вечеринке не было и в помине, а официант. Он присел на корточки перед распростершимся на полу телом. А потом осторожно коснулся Ее шеи кончиками пальцев.

Сколько прошло времени? Минута, час, несколько секунд? Все как замороженные смотрели на плоские, коротко стриженные ногти официанта. И ни у кого не хватало смелости посмотреть на Нее саму. На Ее искажившийся профиль. На волосы, моментально прилипшие к черепу, сбившиеся в кучу от страха.

Всем остальным тоже было страшно. К тому же залаяла собака.

– Заткните ее, бога ради! – крикнул кто-то из женщин.

– Ну?! – крикнул кто-то из мужчин.

Бесполезный вопрос и совершенно очевидный ответ.

Официант поднялся и почему-то стал отряхивать брюки. А потом – в полной тишине – бесцветным голосом произнес:

– Никакого врача не нужно. *Она мертва.*

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумала Первая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумала

Вторая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумала
Третья женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумала
Четвертая женщина.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – подумала Пятая женщина. – Но это правда!..»

Глава 1

За двенадцать часов до убийства

Я смотрю в иллюминатор на плывущие на фоне белой, заснеженной земли, разрезанной черными линиями дорог, розовато-белые облака и опять вспоминаю, как это все случилось, и думаю, сколько еще я выдержу...

...Итак.

Человек появляется в эпоху голоцена (наплевав на триас, юру и мел² с их влажным засильем ящеров); у Юпитера одиннадцать спутников, а белье от Шанталь Томас не идет ни в какое сравнение с продукцией фабрики «Ивановские ситцы». Все вышеперечисленное – абсолютная истина. Как и то, что я занимаю свое нынешнее место не по праву.

Но и ухом не веду. Напротив, стиснув все имеющиеся в наличии зубы, продолжаю с энтузиазмом играть так несвойственную мне роль.

Даже старичок-апостол Петр выглядел бы в ней куда естественнее. Если бы, конечно, сбрил бороду, забросил в ближайшие кусты орешника ключи от Царствия Небесного и, задрав тунику, ринулся в погоню за автографом Аглаи.

Мир сошел с ума, ничего не поделаешь. Мир сдвинулся по фазе и пребывает в ожидании Библии-2, автором которой непременно станет Аглая. Только она, и никто другой. Ей не

² Голоцен, триас, юра, мел – периоды геологического развития Земли.

нужны соавторы: ни Матфей, ни Марк, ни Лука, ни Иоанн. И вообще, лучшее, что она может предложить заслуженным евангелистам, – это воскресные визиты к ним, в Дом ветеранов сцены (кто бы мог подумать – у этого заведения существуют квоты на престарелых писак)...

Мир сошел с ума, мир сдвинулся по фазе, мир помешался на Аглае Канунниковой: ничем другим объяснить происходящее я не могу. Остается только принимать его таким, каков он есть. Конечно, я отдаю себе отчет в том, что где-то существует и другой – большой – Мир. Мир, отличный от обложек ее книг. В этом мире ведутся войны, его иногда посещают гении, инопланетяне и сиамские близнецы; этот мир сотрясают кризисы на фондовых рынках, террористы с их пластиковой взрывчаткой, оргазмы и подвижки горных пород; этому миру угрожает глобальное потепление и такая же глобальная компьютеризация...

Чего только в нем, черт возьми, не происходит!

Совсем как в Аглаиных, черт возьми, опусах. Она – единственная. Она – зубодробительная. Она – номер один. И ей крупно повезло, что она родилась в России. В любой другой, менее экзальтированной стране госпожа Канунникофф получала бы скучные миллионы, жила бы на скучной вилле, отбрыкивалась от скучных папарацци и читала бы скучные лекции в скучных университетах.

А вот Россия – Россия совсем другое дело. И поэт в ней больше, чем поэт, и салат в ней больше, чем салат (не тот, ко-

торый семейства сложноцветных, а тот, который оливые)... И детектив в ней больше, чем детектив. Так, нечто среднее между поваренной книгой, моральным кодексом строителя коммунизма и десятистраничным пособием для бойскаутов «Как развести костер, если отсырели спички».

И все потому, что мы, русские, обожаем, когда нас учат жить. Со сладострастием, достойным лучшего применения, мы подставляем головы и задницы под интеллектуальные розги да еще обижаемся, если ими недостаточно резво нас охаживают. И не оставляют рубцов истины на коже. Эта – совсем не бесспорная – мысль принадлежит моей университетской подруге Дарье. Именно ей, Дашке, я обязана своим сегодняшним местом. И своим сегодняшним жалованьем, и доступом к телу Аглаи Канунниковой. Это тело и сейчас маячит у меня перед глазами. Я могу протянуть руку и коснуться (о, несбыточная мечта фанаток от масскульта!) Аглаино-го плеча. Или ее подбородка, уткнувшегося в бумажный пакет: великая Аглая не переносит болтанку, она вообще ненавидит самолеты, как ненавидит поезда, паромы, роликовые коньки, горные велосипеды. И письма от поклонниц с одним и тем же воплем в постскрипуме: «Почему вы сделали убийцей Макса (Сержа, Карла Кузьмича, фамильный ледоруб – в зависимости от порядкового номера книги), он ведь такой душка!...»

Мне, в отличие от Аглаи, глубоко плевать на воздушные ямы и на то, что в салоне бизнес-класса, которым мы ле-

тим, обнаружилось с пяток безумиц, мертвой хваткой вцепившихся в последний опубликованный роман Канунниковой.

Не самый, между прочим, хороший.

Я прочла его сигнальный экземпляр еще летом – теперь это входит в круг моих обязанностей. Этот круг достаточно широк и включает в себя сортировку писем, ответы на звонки, долгие беседы с журналистами и выгул Ксоло. Ксоло, отвратительное на вид существо, носит гордое имя «мексиканская голая собака», хотя мне она больше всего напоминает неудачно размороженного цыпленка.

Аглая же в ней души не чает.

Настолько не чает, что я едва не лишилась места, когда неделю назад высказала робкое предположение о... м-м... гостинице для собак. На время нашей... м-м... поездки. Аглая заклеила меня как собаконенавистницу, черствую маленькую дрянь, которая рано или поздно будет привлечена к ответственности за жестокое обращение с животными.

Мне пришлось заткнуться и оставшиеся до отъезда дни заниматься прививками, ветеринарными справками и шитьем меховых попонок для мерзкой собаченции. Меховые попонки – вот он, мой звездный час! Особенно если учесть, что я занималась шитьем все последние годы.

Я занималась бы им и сейчас (перелицовка пальто, кройка мужских брюк, костюмы для детской театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа), если бы... Если бы про-

шлым летом не оказалась в Москве. Поездка в Москву была спонтанной – такой же спонтанной, как и моя свадьба и последующий за ней развод. Именно после развода я и отправилась в столицу – зализывать раны.

– Значит, в Москву? Разгонять тоску? – вежливо осведомился мой бывший муж, не ко времени явившийся за потрепанной магнитолой – единственной вещью в доме, купленной на его деньги. – Супружеское ложе еще не остыло, а ты уже... Ну-ну.

Внизу, у подъезда, его ожидала новая пассия – из окна кухни я видела, как они подъехали на крепеньком мускулистом джипе. Пассию звали Тамара Константиновна, и мой Бывший нарыл ее на «Ленфильме», куда таскался в тщетной надежде пристроить один-единственный написанный им сценарий. Сценарий назывался «Дервиш взрывает Париж» и проходил по разряду эксцентрических комедий.

Судя по тому, как скоропостижен был наш разрыв, царица Тамара оценила «Дервиша...» по достоинству. Кроме того, она была владелицей карликовой продюсерской компании «Флитвуд Интертэймэнт».

– Когда запуск? – не удержалась я, сжимая в руках постылую мужнину магнитолу.

– В сентябре, – он даже раздулся от осознания собственного величия. – Могу пристроить тебя ассистентом. Если, конечно, тебе надоело шить подштанники для пионеров.

Это было слишком.

– Пионеров больше нет, ты разве не в курсе? – спросила я. И через секунду магнитола со свистом шваркнулась о стену – в опасной близости от наглой, опухшей от мании величия, издевательски-круглой головы Бывшего.

– Сука, – сказал он.

– Подонок, – не осталась в долгу я.

– Неудачница.

– Альфонс.

– Швея-мотористка.

– Бездарь.

– Дура фригидная!

– Геронтофил-любитель...

Через пятнадцать минут, когда поток эпитетов иссяк, мы переключились на ближайших родственников с его и моей стороны – и брань вспыхнула с новой силой. Но и ее прервал требовательный автомобильный гудок.

– Твоя старая кляча, – сказала я, утирая пот со лба, – и получаса без тебя прожить не может. Надо же, какой темперамент. И это в ее-то годы!

– Заткнулась бы. – Бывший, тотчас забыв о наших пре-
пирательствах, подозрительно смахивающих на флирт, легко отодвинул меня и опрометью бросился к выходу.

– Беги, беги, женишок, – напутствовала его я. – Беги, а то передумает финансировать твою дешевку!..

Оставшись одна, я оросила слезами трупик поруганной магнитолы (восстановлению она не подлежала). После чего

отправилась в спальню, собирать вещи.

Дарья.

Дарья – вот кто отвлечет меня от мыслей, пахнущих самым банальным суицидом!

...Дарья встречала меня на Ленинградском вокзале.

За те три года, что мы не виделись, Дарья почти не изменилась. Все тот же целеустремленный нос, все тот же стальной взгляд, все те же бледные арийские космы, волевым усилием собранные в пучок. В университете лицо Дарьи было несколько размытым (скорее всего от жизненной неопределенности), но теперь приобрело стержневую законченность.

– Похоже, ты становишься стервой, – констатировала я, целуя ее в жесткую, отстраненно-московскую щеку.

– Уже стала, – хохотнула она и отобрала у меня сумку. – Это же Москва, а не благословенный Крыжополь. Как твой дервиш? Взорвал Париж?

– Почти, – я снова пригорюнилась. – Мы развелись на прошлой неделе.

– Ушел от тебя к богатой старухе, ясно. А ты все подштанники кроишь?

– Крою, – призналась я. – И не только подштанники.

– Ну, и стоило для этого журфак кончать?

Вопрос был риторическим, и я промолчала.

Мы промахнули очумевший от людской толпы Ленинградский и оказались на площади трех вокзалов.

– Москва! – Я полной грудью вдохнула основательно под-

забытый столичный воздух. – Москва!

– Москва, чтоб ей пусто было, – согласилась Дарья. – Москва, чтоб ей ни дна ни крыши. Пот и кровь, девочка моя, пот и кровь. А мест под солнцем не так много.

– Не так много, это точно. Мне – не хватило.

Я сделала шаг в сторону распаренного метро, но Дарья ловко ухватила меня за руку.

– Не сюда, – шепнула она и, вынув из кармана ключи, поболтала ими перед моим носом. – Тарантас подан, мэм.

Тарантасом оказалась вполне приличная «Мазда», терпеливо ожидавшая нас у обочины. Респектабельную физиономию «Мазды» заметно портили подбитая фара и вывороченное левое крыло, но все равно: Дарья-автомобилистка – это было здорово!

– Твоя?

– А ты как думаешь?

– Думаю, что свое место под солнцем ты отвоевала, – уметь радоваться успехам других было единственным ремеслом, которому я научилась.

Если, конечно, не считать обметку петель с последующей их оверложкой. – Гоняешь как сумасшедшая, признавайся!

– В основном стою в пробках. Это же...

– ...Москва! – в который раз с благоговением произнесла я.

– Вот именно.

– А вмятины откуда? – Я осторожно коснулась нагревше-

гося на июльском солнце капота. – Попала в аварию?

– Объясняю еще раз: пробки, – Дарья плюхнулась на водительское сиденье и жестом пригласила меня последовать ее примеру. – Нервы не выдерживают. Начинаю ерзать и толкаться в общей очереди. Ты же знаешь, как я их ненавижу – очереди.

– Может быть, имеет смысл снова пересесть на метро?

– Исключено. Вот что, мне нужно заехать в редакцию. Много времени это не займет, а потом я буду в полном твоём распоряжении. Ты не возражаешь?

Как я могла возражать?

– Ты по-прежнему в «Квартале»? – спросила я, когда мы остановились на первом светофоре.

Бесхитростный журнальчик для домохозяек «Квартал» был местом последней дислокации моей амбициозной и шумной, как Ниагарский водопад, подруги.

Губы Дарьи выгнулись в презрительной улыбке, и я сразу же поняла, что «Квартал» оставлен. Покинут. Брошен на произвол судьбы. Забыт, как страшный сон. Как газета в метро. Как малотиражка завода железобетонных изделий.

– С ума сошла! Я теперь в «Рoad Муви»!

Это прозвучало как: «Я вышла замуж за Майкла Дугласа, а свидетелями со стороны жениха были Сильвестр Сталлоне, Микки Маус и Дональд Дак». Против утки, мыши и прикнувшего к ним жеребчика Сильвестра я не имела ровным счетом ничего, а вот Майкл Дуглас вызывал во мне гораздо

меньше симпатий. И к тому же был тривиально женат.

– Что это еще за «Рoad Муви»?

Дарья даже бросила руль.

– А ты не знаешь? – недоверчиво спросила она.

– Понятия не имею.

Лучше бы я этого не говорила.

– Ты, я смотрю, совсем очумела за своей швейной машинкой! От рук отбилась! Это же самый продвинутый журнал на сегодняшний день. Искусство, литература, театр, кинематограф. Ты знаешь, какие бабки платят знаменитости, чтобы у нас засветиться?

– Зачем же знаменитостям платить? – совершенно искренне удивилась я. – Они ведь и так знаменитости.

– Господи, это концептуальное издание! Определяет моду, формирует вкусы...

– Ну, это ты загнула. Вкусы формирует толпа, а моду определяет время. При чем здесь твой «Рoad Муви»?

Дарья надулась и покраснела. А я сразу же устыдилась своего кавалерийского наскока. В конце концов, это я приехала к ней плакаться в жилетку, а не она ко мне. В конце концов, это я все последние годы подмахивала игле и наперстку, а не она. В конце концов, это я прохлопала свою жизнь – я, а не она.

А она – она в жизни преуспела.

Да еще Бывший со своей выпотрошенной временем продюсершей!..

– Прости. Я сейчас неадекватна. Он меня бросил, ты же знаешь. – Я положила руку на локоть Дарьи и легонько его пожалала.

– Ладно. Проехали. Ужасно рада тебя видеть, правда!

Она бросила руль, обеими руками обхватила мою голову и по-матерински прижала к груди. И едва не врезалась в идущий прямо перед нами бодрячок-«Фольксваген».

– Осторожнее! – пискнула я. – Твоя машина!

– Плевать, новую куплю, – парировала Дарья, но по тормозам все-таки дала.

...Через полчаса мы наконец-то добрались до уже основательно мной подзабытого исторического центра и с ходу пронзили Кривоколенный переулок. За это время я успела узнать, что Дарья ведет в «Рoad Муви» рубрику «Гамбургский петух» (рецензии на книжные новинки), съездила в Венецию и Мадрас, была на приеме в австрийском посольстве, где ей поцеловал руку «дыши глубже, сам Никас Супрунов» (интересно, кто это такой?). Кроме того, она поменяла два резца в верхней челюсти и двух мужей. И сейчас подыскивает спутника жизни под номером три.

– А кто это – Никас Супрунов?

– Художник, деревня! – Дарья смирила меня презрительным взглядом. – Берет пятьдесят тысяч за холст. В баксах, между прочим. А какой сексапил – просто фантастика!... Отдалась бы ему прямо на биде!

Редакция «Рoad Муви» находилась в самом конце патри-

архального Кривоколенного и занимала двухэтажный особняк, украшенный колоннами. Площадка перед особняком была заставлена дорогими иномарками, из чего я сделала вывод, что дела у концептуального издания обстоят неплохо.

Мы поднялись на второй этаж, и Дарья приветливо распахнула передо мной дверь с табличкой «Гамбургский петух».

– Я к главному, ненадолго. А это тебе, чтобы не скучать.

И, сунув мне внушительную стопку «Рoad Муви», она пулей вылетела из комнаты.

Глянцевые знаменитости обоих полов – все как один холерные, загорелые, оскалившие в снисходительной улыбке идеально ровные зубы (уж не сам ли господь бог снабжает запасными челюстями своих любимцев?); глянцевые знаменитости – мне не было никакого дела ни до них самих, ни до их верных возлюбленных и верных татуировок, ни до их обожаемых устриц и обожаемых ботинок в стиле «унисекс».

Дарья – совсем другое дело. Дарья – моя лучшая подруга. Соратница и наперсница, с которой прожито пять незабываемых лет в общаге универа. Пять лет – со всеми нашими мальчиками, абортами и волнистым попугайчиком Кешей, которого Дарья научила одной-единственной, но сакраментальной фразе: «Девки, выпьем!»

...Долго рыться в помойке под флагом «Рoad Муви» не пришлось: первый же номер явил мне «Гамбургского петуха» и его подведомственную курицу-несушку Д. Валикову.

«Д. Валикова», очевидно, и была Дарьей, хотя я знала ее как Ставицкую, а потом – как Улюкаеву-Гессен. Как и положено сотруднице продвинутого журнала, Дашка обмирала от Умберто Эко, хлопалась в обморок от одного упоминания о Саше Соколове и к месту и не к месту клялась святыми мощами вседержителя Набокова. К прочей мелкокалиберной шушере она относилась с прохладцей и так и норовила подлить в бочку меда даже не ложку дегтя, а ложку касторки. От этого ее заметки выглядели несколько странно и общий их пафос сводился к следующему: «Хотя если быть до конца принципиальными, то невозможно не указать и на проколы. NN, конечно, писатель любопытный, но, по-моему, ему жена изменяет. И вообще, у него простатит, а дед его находился на оккупированной территории».

Но в целом Дашкины пасквили были прехорошенькими и до безобразия походили на саму Дашку – такие же веселые, циничные и саблезубые. Она была просто создана для спецопераций по отстрелу зазевавшихся беллетристов.

Мне же в лучшем случае остается только нашивать ей на рукава знаки отличия. И щипать корпию. А всему виной мой аналитический тугоплавкий ум, пригодный разве что на философские трактаты: не ко времени, ох не ко времени я его выпестовала! Да еще Бывший со своей заджипованной клячей!..

Из раздумий о невыносимой легкости бытия меня вывел голос Дарьи. Она стояла, ухватившись за ручку двери, и с

кем-то сладострастно грызлась.

– Как же вы меня достали с вашей Канунниковой! – с яростью в голосе вопила она. – Может быть, вообще переименуем журнал, раз уж она в каждом номере восседает? Так и назовем – «Аглая: призрак ночи». Или нет – «Аглая: симфония ужаса».

За дверью кто-то осуждающе забубнил. Несколько секунд Дарья молчала, но потом ее голос вновь взвился до апокалиптических высот:

– Не буду я давать рецензию, не буду!!! Пускай «Спутник библиофила» дает. Он всем дает. И как только триппер до сих пор не подхватил, удивляюсь!

Закончив свою бурную речь этим венерологическим пассажем, Дарья ввалилась в комнату и так хлопнула дверью, что у меня из рук вывалилась вся стопка «Рoad Муви».

– Неприятности? – Я сочувственно покачала головой.

– Творческие разногласия. Не обращай внимания...

– А кто такая Канунникова?

Дарья, до этого бегавшая по комнате, остановилась, как громом пораженная:

– Ты не знаешь, кто такая Канунникова?!

– Нет.

– Ты меня разыгрываешь.

– Да нет же.

Все последующее показалось мне дурным сном. Дашка, надменная, циничная Дашка, повалилась передо мной на ко-

лени и принялась исступленно бить поклоны. И так же исступленно креститься:

– Господи! Благодарю тебя, господи!!! Свершилось! Хотя кто-то о ней не знает! Хотя кто-то о ней не слышал, господи! Какое счастье!...

На глазах у Дарьи проступили слезы благодарности. Еще раз стукнувшись лбом о паркет, она попыталась ухватить мою руку и поцеловать ее.

Это было уж слишком. Я отдернула пальцы, на всякий случай отошла к окну и уже оттуда запустила в Дарью вопросом:

– Может, объяснишь мне, что происходит?

– Сначала поклянись, что ты не врешь. Что ты действительно не знаешь, кто такая Аглая Канунникова.

– Понятия не имею.

– Поклянись.

– Хорошо. Клянусь.

Религиозный экстаз затух так же стремительно, как и вспыхнул, Дарья устроилась в кресле, выбила из пачки пухлую светло-коричневую сигарету «Captain Black» и с наслаждением закурила.

– Я жду, – напомнила о себе я.

– «Дервиш сжигает Париж», – с выражением произнесла моя чумовая подружка и нехорошо засмеялась. – Что такое «Дервиш сжигает Париж»?

– Кич, – с готовностью произнесла я, почувствовав, как

организм начинает декалитрами вырабатывать желудочный сок. – Квинтэссенция пошлости.

– А теперь представь эту самую квинтэссенцию, но в объеме не... Сколько там было страниц у твоего бабуина?

– Восемьдесят семь.

– А теперь представь еще одно: их не восемьдесят семь, а четыреста восемьдесят семь. Четыреста восемьдесят семь страниц кича каждые четыре месяца. Это и есть Аглая Канунникова.

– Так она писательница? – осенило меня.

Дарья дернулась, как от удара током.

– Помнишь покойного Кешу?

– «Девки, выпьем»?

– Именно. Наш несчастный попугай – и тот нацарапал бы лучше. Жаль, подход не вовремя. А то украсил бы собой маску скульптуру.

– Чего ты бесишься? В стране полно авторов подобного чтива.

– Она – единственная, – в голосе Дарьи было столько ненависти и страстной убежденности, что я даже поежилась. – Единственная, кто смог так раскрутиться. Куда ни плюнь – всюду она. Знаешь, почему я купила машину? Потому что в метро все читают только ее. Видеть этого не могу!

– Ты меня пугаешь, – начала было я, но Дашка перебила меня самым бесцеремонным образом:

– А теперь еще новый геморрой. Эта сволочь выпустила

очередную книжонку, которую я должна рецензировать. Редакция, видите ли, с большим интересом следит за творчеством Аглаи Канунниковой.

– Ну и напиши, что книга – полный отстой.

Дарья выпустила струю дыма мне прямо в лицо и прищурилась:

– Слушай, а почему бы тебе это не написать?

– Мне?!

– А что? Тряхни стариной, у тебя ведь неплохо получалось когда-то. Выспишься на этой твари как следует. Народ тащится, когда распинают его любимцев, это часть игры... Больших денег, конечно, не обещаю, но если ты понравишься Главному... Это шанс.

– Я так не думаю...

...Остаток дня мы с шумом и гиканьем носились по разомлевшей Москве, пили кагор в каких-то кафешантанах и текилу в каких-то кабаках. Два раза меня вытошнило, два раза Дарью останавливали гаишники, и два раза ей удалось от них откупиться. Как мы добрались до Дашкиной квартиры, я не помнила. Но первое, что увидела, когда проснулась на следующее – отнюдь не прекрасное – утро, оказалось книгой Аглаи Канунниковой.

Книга лежала на полу у изголовья моей кровати.

Я свесила вниз голову, трещающую по швам от непомерных вчерашних возлияний, и едва подавила в себе рвотный рефлекс.

Никогда больше не буду мешать текилу с кагором! С сегодняшнего дня – только минеральная. Ныне, присно и во веки веков.

Пока я торжественно клялась себе в этом, на пороге возникла Дарья с пакетом кефира в руках.

– Ну, как себя чувствуешь? – спросила она.

Я красноречиво застонала.

– Выпей, – она присела на краешек кровати и протянула мне кефир. – Сразу полегчает.

Полегчало не сразу, а минут через пять. Но за это время я успела завещать Дашке чешскую швейную машинку «Минерва», мою единственную кормилицу. И богато иллюстрированное пособие «Шитье – сто один секрет».

– Не майся дурью, – окоротила меня Дарья. – Лучше сунь два пальца в рот.

Произнеся эту фразу, она выразительно посмотрела на книжку неизвестной мне Аглаи Канунниковой.

– Может, в тазик будет сподручнее? – дрожащим голосом спросила я.

– Не думаю.

Приступ тошноты прошел, и ко мне снова вернулась способность соображать. А вместе с ней пришло раскаяние: последний раз я так безобразно напилась по случаю защиты диплома.

– Журналистского диплома, – уточнила Дарья. – Журналистского! Мое вчерашнее предложение остается в силе. Я

сейчас убегаю, а ты полистай опус нашей священной коровы. Может, что-нибудь в голову и придет. Жратва в холодильнике. И не пей много кефира, там тоже есть градусы. Учти, что вечером мы приглашены на коктейль.

– Куда?

– На коктейль. В одну симпатичную галерею. Недавно открылась. Цэ.

«Цэ» означало «целую». В более широком смысле: «Будь здорова, не кашляй, водки не пей и не спи с кем попало».

– Цэ-цэ, – ответила я и снова рухнула на кровать.

Двужильная, закаленная в бесконечных московских попойках Дашка умчалась по делам своего «Рoad Муви». Я осталась одна и только теперь вспомнила, что о свинствах Бывшего и о моей плачевной участи мы так и не поговорили. И предстоящий рейд на коктейль вряд ли ускорит этот разговор.

Но, черт возьми, именно этого я и хотела: устроить большой сквозняк в голове. Уж он-то наверняка выдует все мысли о Бывшем. Так что да здравствуют Москва, Дашка и симпатичные галереи!.. Да здравствует большая прогулка!

Приняв этот лозунг как руководство к действию, я наконец-то расслабилась и протянула руку к томику Аглаи Канунниковой. Вопреки моим представлениям о подобного рода чтиве, книга вовсе не выглядела экстремально. Никакого оберточного глянца, никаких анилиновых красок, никаких блондинок с кинжалом, зажатым в расселине груди. Напро-

тив, обложка являла образец сдержанности, да и название не было таким уж кроваво-разнузданным: «Такси для ангела».

Я посчитала это хорошим знаком и углубилась в изучение текста.

...Чтобы спустя четыре часа перевернуть последнюю страницу.

Нельзя сказать, что книга ошеломила меня. Или как-то особенно потрясла. Это был добротный, совсем неплохо написанный детектив с необходимым минимумом крови и таким же необходимым минимумом психологии. В нем было так же удобно, как и в разношенных комнатных тапках, где каждый палец и каждый мозоль на месте. Удобно – не более того. И все же, все же...

Год назад я перелицовывала одно старое пальто одной старой петербургской дамы. Перелицовка заняла не так много времени – всего лишь неделю. Но еще неделю я просто не могла с ним расстаться. Я провела у этого романтического куска твида самые счастливые дни моей жизни (если не считать медовый месяц с Бывшим, который мы провели в деревне Замогины, на берегу Чудского озера). Стыдно признаться, но я даже спала в этом пальто, чем вызвала неподдельный интерес у Бывшего, который несколько подустал от размеренной и пресной супружеской жизни.

Бывший одобрительно поцокал языком, назвал пальтишко фетишем, меня – шалуньей и предложил сходить в ближайший секс-шоп за каким-нибудь изысканным гарниром к

моим «забойным твидовым фантазиям». Секс-шоп я с негодованием отвергла, но так и не смогла объяснить Бывшему, зачем мне понадобилось пеленать тело в чужую, давно вышедшую из моды вещь.

Но какой же она оказалась уютной! Она была создана для другого города и другой страны. Да и для другого времени тоже. Наверное, в этом пальто хорошо было мокнуть под дождем и посещать крохотные кофейни, кормить голубей, греть руки над жаровнями, выбирать обезумевшие от нафталина безделушки на каком-нибудь «блошином» рынке.

В нем хорошо было отправиться куда-нибудь автостопом. И сойти на обочине черно-белого, как старая кинолента, времени. Но я точно знала, что никуда не отправлюсь и нигде не сойду. И от этого мое сердце наполнялось печалью. Светлой, ни с чем не сравнимой печалью, похожей на финал фильма «Украденные поцелуи».

Возможно, если бы я выкупила пальто, если бы оставила его у себя, моя жизнь повернулась бы по-другому.

Но я отдала его хозяйке, жалкая неудачница.

Я прошла мимо него, как проходят мимо главной и единственной в жизни любви. И светлая печаль забылась сама собой.

А сейчас – вспомнилась.

И всему виной была Аглая Канунникова с ее совсем не кровожадным «Такси для ангела». Но особо заморачиваться этим я побоялась. И, покончив с одной детективной интри-

гой, переключилась на другую.

Почему Дашка так ненавидит Канунникову?

Аглая Канунникова не конъюнктурщица, кичем в этом ангельском средстве передвижения и не пахнет. Наоборот, в некоторых местах я даже забывала, что читаю беллетристику. Совсем неплохая и нестыдная работа.

Я, пожалуй, смогла бы выполнить Дашкину просьбу...

Об этом я и заявила своей подруге, когда она вернулась домой. Но, вместо того чтобы обрадоваться, Дарья почему-то поскучилась.

– Ты начала читать? – после недолгого молчания спросила она.

– Уже.

– Что – уже?

– Уже прочитала. Не понимаю, почему ты так на нее окрысилась...

– Нас ждут, – ушла от ответа Дарья. – Собирайся.

...Коктейль в галерее оказался самой обыкновенной пьянкой: нечесанные художники-нонконформисты и сомкнувшийся с ними нечесанный музандеграунд потчевали всех желающих водкой, пивом и жареным арахисом. Дашка надралась в первые полчаса, я же (верная своей утренней клятве) пила только воду из-под крана.

В богемном приюте не было даже минералки.

А галерейная начинка – инсталляции и богоборческие (свят, свят, свят!) иконы с порнодушком – не поразила мое

воображение. Зато его поразила Дашка, устроившая просветительскую лекцию в таком же, как и галерея, нонконформистском ватерклозете (с деревянным очком вместо унитаза). Я сама спровоцировала ее, сказав, что возьмусь за рецензию.

– Значит, ты тоже подсела на эту суку Аглаю!

– С чего ты взяла?

– А все на нее подсаживаются.

– Ты преувеличиваешь.

– Да я не то что преувеличиваю – я ее терпеть не могу!

Лицемерка поганая! Водит всех за нос. Копалась бы в своем жанре, так нет: в учителя жизни лезет, свои взгляды навязывает. Обо всем высказалась, ничего не забыла!.. Даже по поводу профилактических прививок детям Руанды у нее, видите ли, собственное мнение... Даже по поводу выращивания патиссонов и селекции трехцветного выюнка!..

– Ладно, – первой не выдержала я. – Черт с ней.

– Вот именно! – Дашка попыталась плюхнуться на отполированный многими сомнительными задницами толчок, и я с трудом ее удержала.

Через час, когда Дашка окончательно превратилась в патиссон, о котором так пламенно распространялась, в галерее появился роскошный молодой человек в белом свитере и с такими же белыми выгоревшими волосами. Проигнорировав многочисленные приветствия и поддоны с пивом, он направился напрямик к Дашке, пытавшейся улечься на ин-

сталляцию «Балканские войны-13». Легко подняв тело моей подруги, он потащил его к выходу.

– В чем дело? – спросила я, ухватив Дашку за край платья.

Молодой человек даже не сбросил скорости. А у самого выхода процедил:

– Откройте дверь.

– А вы кто такой?

– А вы кто такая?

Дарья, до этого больше напоминавшая мешок с картошкой, неожиданно приподняла голову.

– Это – наш Главный... А это...

Выпитый «коктейль» оказался сильнее: так и не договорив, очаровательная пьянчужка закрыла глаза и отрубилась.

– А это ее подруга из Питера, – закончила за Дарью я и улыбнулась Главному.

– Что-то припоминаю. Открывайте дверь, подруга из Питера.

Вдвоем мы выволокли бесчувственную тушку на улицу и погрузили ее в такую же белобрысую, как и он сам, тачку Главного.

– Нам к проспекту Мира...

– Знаю, – процедил Главный и в лучших московских традициях сорвал машину с места.

Теперь, во всяком случае, мне стало понятно происхождение мужских парфюмов в ванной и мужских комнатных тапок в прихожей.

Некоторое время мы ехали молча.

– Дарья говорила мне о вас, – он первым нарушил молчание.

– Мы учились вместе. Я тоже закончила журфак. – Кто знает, может быть, это он и есть – мой единственный шанс, о котором говорила Дашка.

– Это не имеет значения.

Ничего не поделаешь: первый же выстрел оказался холостым.

– Но статью все же напишите, – тотчас исправился Главный. – А там посмотрим.

– Об Аглае Канунниковой?

– Да о чем угодно.

Ай да Дарья! Похоже, она уже провела подготовительную работу. Милая, заботливая, замечательная моя подруга! Ангел с крыльями, а не человек! От неожиданно открывшейся перспективы у меня даже закружилась голова.

– Может быть, вы в курсе... Почему она так ненавидит Канунникова?

– А вы сами не догадываетесь? Дарья тоже пыталась писать книги. Но у нее ничего не получилось. Журналистика – совсем другое дело...

Вот оно что! Вот он – корень всему: самая банальная профессиональная зависть.

Больше Главный не сказал ни слова. Он даже отказался от кофе, когда мы поднялись в квартиру. Проводив гостя и уло-

жив Дашку в постель, я снова засела за Канунникову. Теперь, после беседы с холемым начальником «Рoad Муви», Канунникова становилась не целью, а средством. С ее помощью я – если не буду дурой – попытаюсь вернуться в давно потерянную профессиональную жизнь.

...Оставшиеся до отъезда дни я провела за книгами Канунниковой и Дашкиным ноутбуком. Порочная связка альпинистов «Бывший – продюсерша – старая гримза» была напроць забыта. И когда опомнившаяся Дарья приволокла с работы шикарно изданный двухтомник «Развожусь: за и против», я только пожала плечами. «Дервиш взрывает Париж» меня больше не интересовал.

За сутки до моего отъезда рецензия была готова. Вернее, это была не рецензия даже, а пространное эссе. Я сдобрила его своими собственными размышлениями, унавозила историей о пальто и снабдила заголовком «Украденные поцелуи».

Из соображений безопасности я отдала эссе только на вокзале, за три минуты до отправления поезда. Дарья обещала показать его Главному сегодня же (я подозревала, что торжественный акт показа состоится в постели) и обязательно позвонить, когда все прояснится.

* * *

...Дарья не позвонила.

Ни через три дня, ни через пять, ни через две недели.

Должно быть, я полностью дисквалифицировалась. Не уловила ритм покачивающихся бедер «Рoad Муви». И сотрудником московского издания мне не быть никогда. И журналисткой – тоже.

Я отметила закат так и не начавшейся карьеры в кафе-мороженом «Пингвин». В полном одиночестве. А потом вернулась к своей «Минерве» с ножным приводом. И к скучным заказам театральной студии Дома культуры им. В. Кингисеппа: бесстрашные студийцы замахнулись на сказку «Снежная королева».

Звонок раздался, когда я пришивала воротник к костюму Маленькой разбойницы.

– Я могу поговорить с Алисой Зданович? – Голос был женский, усталый и вальяжный одновременно.

Такой голос мог принадлежать только богатой клиентке, и я сразу же вспомнила, что моя старая заказчица, мадам Цапник (62-й размер), обещала подкинуть очередную работенку: пальто и два костюма для деловой женщины с изюминкой.

– Слушаю. Вы по поводу пальто? – бодро спросила я.

На другом конце трубки повисло непродолжительное молчание.

– И по поводу пальто тоже, – голос дрогнул.

– Подъезжайте. Васильевский остров, улица Шевченко...

– Видите ли... Я очень занятой человек. А вы сами не мог-

ли бы приехать?

Я ухватила за телефонный шнур. Мадам Цапник не со-
вратала: женщина действительно оказалась деловой. А с пре-
успевающих бизнес-самок, которые беспокоили меня край-
не редко, я обычно брала по двойному тарифу.

– Диктуйте адрес.

– Гостиница «Астория», номер 103.

Это несколько меня озадачило. При чем здесь гостини-
ца?..

– Жду вас через час.

– Но...

Женщина повесила трубку, оставив меня в полной рас-
терянности. Станный звонок, странные тексты... А может,
это вовсе не наводка мадам? Тогда что? Голос не принадле-
жал никому из моих знакомых, я никогда не слышала его
раньше, но имя и фамилия – мои, телефон тоже мой...

Озарение пришло только тогда, когда швейцар распахнул
передо мной тяжелую дверь «Астории».

Дашка. Ну, конечно же, Дашка!

Приехала в Питер по своим богемно-журналистским де-
лам и решила меня разыграть. Добить окончательно. Ты,
мол, сидишь с выкройкой и булавами во рту, а я – в дорогой
гостинице. Месть за эссе удалась, ничего не скажешь.

Я подошла к стойке суетливо-подобострастного портье.

– Номер сто три. Меня ждут.

Портье сделал неопределенный жест рукой, и за моей спи-

ной вырос молодой человек в строгом костюме. Болтавшаяся на лацкане его пиджака бирка уведомила меня, что я имею дело со службой безопасности отеля. И дальнейшее сопротивление бесполезно.

Молодой человек с биркой аккуратно подхватил меня под локоть.

– Не стоит, я еще сама в состоянии идти, – пролепетала я.

– Пройдемте, – он не обратил на мои слова никакого внимания.

И мы прошли в гостиничный бар. Теперь я была совершенно уверена, что звонок – Дашкиных рук дело. И мадам Цапник с ее деловой протеей здесь ни при чем: не буду же я снимать мерки в точке общепита, в самом деле!..

Но Дашки в полупустом баре не оказалось. И пока я соображала, что бы это могло значить, охранник подвел меня к самому дальнему столику. За ним расположилась какая-то женщина. Она кивнула охраннику и сделала приглашающий жест рукой.

– Прошу.

– Меня? – переспросила я.

– Вы ведь Алиса? Садитесь.

Поколебавшись секунду, я все-таки устроилась напротив. И робко произнесла:

– Вы от Эмилии Ефимовны?

Эмилией Ефимовной звали мою добрую стотридцатикилограммовую фею мадам Цапник.

– Нет. Я сама по себе.

Женщина подперла рукой подбородок и принялась откровенно меня изучать. Так откровенно, что в первую секунду я разозлилась. А во вторую решила: черт с тобой, изучай, я и слова не скажу.

Точно определить возраст сидевшей передо мной дамы было невозможно. Но ставки начинались с сорока пяти. В этом возрасте она проболтается еще лет двадцать, если, конечно, будет делать подтяжки и посещать массажные кабинеты. Женщины подобного типа никогда не страдают гипертонией, пьют исключительно черный, крепко заваренный кофе, выкуривают не меньше двух пачек сигарет в день, мало спят, коротко стригутся и никогда не закрашивают седину (это придает им дополнительный шарм). Котов в качестве домашних животных они не переносят, зато всегда заводят собак крупных пород и молодых любовников.

Как клиентки, они достаточно непритязательны, потому что в одежде предпочитают спортивный стиль.

В просторечии такой женский подвид называется «баба с яйцами».

И передо мной – типичная представительница этого подвида. Умное, волевое лицо, резко очерченные губы, едва тронутые светлой помадой, и эксклюзивное серебро на всех пальцах. Такого серебра не найти ни в одном магазине, оно передается исключительно по наследству. Или завоевывается как трофей – вместе с карьерой, деньгами и мужскими

скальпами...

Закончить анализ я не успела. Женщина вынула из стоящей рядом с ней сумки журнал и швырнула его на стол.

– Ваших рук дело? – спросила она.

Черт возьми, это был «Рoad Муви»! Последний выпуск, датированный июлем. От нехорошего предчувствия у меня засосало под ложечкой. Если это действительно Дашкин розыгрыш, то он чересчур пышно обставлен. И несколько затянулся.

– Страница пятьдесят четыре, – подсказала женщина.

Я подтянула к себе журнал и – не без опасений – раскрыла его на указанной странице.

Буквы запрыгали у меня перед глазами: в рубрике «Гамбургский петух» сияло и переливалось мое собственное эссе «Украденные поцелуи». Конечно же, оно было на добрых две трети меньше первоначального варианта, но оно было!

Дашка, корова, почему ты не сообщила мне об этом?!

– Вы от Дарьи? – спросила я.

– Странные у вас вопросы, – женщина нахмурила тонкие брови. – Я ведь уже сказала. Я – сама по себе. Меня зовут Аглая Канунникова.

Кажется, у меня отвисла челюсть. Или вскрылись все поры на лице. Или выпали все волосы. Во всяком случае, дама, представившаяся как Аглая Канунникова, посмотрела на меня с сожалением. А потом хорошо заточенным ногтем отчеркнула название.

– Почему?

– Что – «почему»? – Я была совершенно сбита с толку.

– Почему вы так ее назвали?

– Есть такой фильм. У Франсуа Трюффо, французского режиссера...

Канунникова досадливо поморщилась.

– Я знаю. Но почему вы назвали свою писульку именно так?

– Просто... Это мой любимый фильм. Мне показалось...

– Плевать мне на то, что вам показалось.

Да, забыла добавить, что бабы с яйцами отличаются бесцеремонностью и роковым влечением к ненормативной лексике.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я и сделала попытку встать из-за стола.

– Сядьте. Я заказала кофе. Но могу заказать и что-нибудь покрепче, если... – она не договорила и снова уставилась на меня.

– Если?..

– Если вы то, что я думаю. Значит, «Украденные поцелуи»... Там есть посвящение, в самом начале фильма. Кому?

Ситуация была просто идиотской. Еще большей идиоткой оказалась я, клюнув на этот звонок и на этот глупый розыгрыш. Аглая Канунникова, надо же! Бабы с яйцами не пишут уютные книги!..

Видимо, на моем лице отразилась такая борьба чувств,

что самозванка-экстремистка не выдержала. И припечатала журнал книгой.

– Это один из моих первых романов, – она перевернула книгу и показала мне обложку с фотографией. – Изображение как на могильной плите, но узнать можно. Похожа?

Книга действительно принадлежала Канунниковой. А фотография на тыльной стороне – женщине напротив.

– Убедились?

– Да.

– Мне повторить вопрос?

– Зачем же, я помню. Французской синематеке, вот кому они посвящались, «Украденные поцелуи».

– Отлично, – Аглая раздвинула губы в улыбке. – Вы предпочитаете виски или коньяк?

Виски и коньяк относились к категории «что-нибудь покрепче».

«Что-нибудь покрепче, если вы то, что я думаю». Ах ты, пресыщенная суперпопулярная сука! Дарья права, знаменитости не вызывают ничего, кроме раздражения. Такая может и серную кислоту в рожу плеснуть, и по судам затаскает, если я что-то не то крякнула в своей, будь она проклята, статейке!..

– Я жду, – еще шире улыбнулась Аглая, и только теперь я заметила, что передний зуб у нее сколот.

Самую малость сколот. Интересно, куда смотрит ее дантист?

– Я не пью спиртного.

– Жаль.

Подбитый зуб притягивал меня как магнит. Совершенно алогичный, неправильный зуб. У знаменитостей не должно быть изъянов во рту, от этого зависит их распроклятый имидж. Они готовы терпеть во рту целые кладбища мертвого фарфора, лишь бы не выпасть из обоймы.

В чем дело, Аглая? Или ты не играешь по общим правилам?

Канунникова подозвала официанта сухим пощелкиванием пальцев и что-то шепнула ему на ухо. Официант затряс набриолиненным пробором и сразу же исчез.

– Вы профессиональная журналистка? – продолжила допрос Аглая.

– Я давно не работаю по специальности.

– Очень хорошо, – почему-то обрадовалась она.

– Может быть, объясните мне, что происходит?

– Чуть позже. Вы хорошо зарабатываете?

Только этого не хватало!

– Думаю, это некорректный вопрос, – я постаралась вложить в свои слова максимум достоинства.

– Отчего же! Это деловой вопрос.

– Зачем вам это нужно?..

Ответить Аглая не успела: вернулся официант с бутылкой коньяка, шоколадом и кофе. И бутылкой минеральной – очевидно, для меня.

Я была растрогана.

И к тому же этот зуб! Он опускал Аглаю с заоблачных высот прямоком в городскую подземку, напичканную ее книжками. И ставил ее в один ряд с простыми смертными.

Аглая посмотрела на меня сквозь рюмку с коньяком, и от этого я почувствовала себя так же уютно, как если бы сидела на электрическом стуле.

– Итак, продолжим, – она сделала маленький глоток. – Вы хорошо зарабатываете?

– Вы хотите предложить мне больше, чем я зарабатываю? – съязвила я.

– Хочу, – просто сказала она.

Да-а... Коньяк бы мне не помешал!

– А за что, если не секрет?

– Если, конечно, у вас нет мужа. Или друга... Чушь, – оборвала Аглая сама себя. – Никакого мужа, а тем паче – друга у вас нет. Хотя бы на сегодняшний момент.

– Почему вы так решили?

Действительно, почему? На подиумах мне, конечно, не блистать, но и ничего особенно отталкивающего в моей внешности нет. И размер лифчика самый ходовой – третий. Иногда ко мне даже обращаются с вопросом «Который час?» молодые люди. И не в самое темное время суток. И не какие-нибудь маньяки, а заслуживающие доверия офицеры вооруженных сил в чине не ниже капитана. Или любители вириловых пластинок, баночного пива и барда Олега Митяева.

Аглая перегнулась через стол и приблизила ко мне лицо. А потом повела коротким решительным носом.

– Чувствуете запах? – шепотом спросила она.

– Запах? – Я не на шутку перепугалась. – Какой запах? Никакого запаха я не чувствую.

– Вот именно. И я не чувствую. Вы ничем не пахнете. Абсолютно стерильны. А мужчина проявляет в женщине запахи. Он служит катализатором, он их стимулирует.

– Идите к черту, – сказала я.

Она резко откинулась на спинку стула и захохотала.

– Прежде чем пойти к черту, – отсмеявшись, сказала Аглая, – я хочу предложить вам работу личного секретаря.

– Не поняла?

– Будете моим личным секретарем?

– Я?!

– Вы.

Я никак не могла отделаться от чувства нереальности происходящего. Напротив меня сидела одна из самых раскупаемых писательниц в стране, если не самая раскупаемая. Почти классик, почти гуру и уж точно кумир домохозяек, секретарш, скучающих жен богатых мужей, студенток-дипломниц и мосластых посетительниц фитнес-клубов.

– Но почему я?

Вместо ответа Аглая постучала пальцем по журналу.

– «Украденные поцелуи», – мечтательно произнесла она. – Это ведь и мой любимый фильм. Я никогда и нигде

об этом не упоминала. Мне нужен не просто секретарь, мне нужна единомышленница. А человеку, который влюблен в «Украденные поцелуи», я могу доверять всецело.

Чудны дела твои, господи!

– Но почему я? Поискали бы кандидата среди кинокритиков. Наверняка кто-нибудь когда-нибудь стряпал монографии по Трюффо...

– Вы неглупая, довольно остроумная, со склонностью к анализу. Звезд с неба, конечно, не хватаете, но не лишены оригинальности суждений.

– Откуда вы знаете? – обижаться на Аглаю было так же глупо, как обижаться на стихийное бедствие. Или на дворец-музей, потому что там заставляют ходить в тапочках. – Откуда вы знаете, вы же меня первый раз видите!

– Мне достаточно того, что я прочла, – в который раз Аглая апеллировала к злосчастному «Роад Муви».

– И там это написано?

– Между строк. Я ведь все-таки пишу детективы, девочка. Так что вы скажете о моем предложении?

– Я не могу, – проблеяла я. – Так сразу... И потом, я не знаю, что нужно делать...

Черт возьми, что я несу? Мне нужно сейчас же отодрать зад от стула и распроститься с сумасшедшей детективщицей!

– Обязанности самые простые, но отнимают довольно много времени. Вы разбираете почту, отвечаете на письма, договариваетесь об интервью, вычитываете их. Занимаетесь

моим сайтом в Интернете. Это так, навскидку... Надеюсь, слово «компьютер» не заставляет вас искать веревку и мыло?

– Нет.

– Замечательно. Вы согласны?

– Мне нужно подумать.

– Соглашайтесь, – Аглая в который раз улыбнулась мне. – Вам ведь очень хотелось использовать свой шанс. Вам очень хотелось понравиться столице.

– Это вы тоже вычитали между строк?

– Тоже. Вы переберетесь в Москву, сможете завести нужные знакомства. Мое нынешнее положение позволит вам это сделать. И со временем... Кто знает... Может быть, и ваши амбиции будут удовлетворены.

Я явственно почувствовала запах серы и услышала легкое постукивание: это Аглая била по полу кончиком хвоста. Она искушала меня, дьяволица, она брала меня штурмом. И я вдруг с тоской поняла, что швейной машинке «Минерва» не выдержать лобовой атаки. Да и отряду заказчиц во главе с мадам Цапник стриженная знаменитость не по зубам.

А костюм Маленькой разбойницы?.. Его придется дошивать в любом случае.

– Я даже не представляю себе... Как это можно осуществить... Практически.

– Все очень просто, – дожимала меня Аглая. – Ближайшие три дня я здесь. У меня встречи с читателями. Трех дней вам хватит, чтобы утрясти все дела?

Маленькая разбойница, Северный олень, накидка для Герды... Трех дней должно хватить.

– Подыщем вам квартиру. Это обойдется долларов в сто – сто пятьдесят. Я буду платить вам семьсот. Или скажем, семьсот пятьдесят в месяц.

– Восемьсот, – нагло заявила я и потянулась к коньяку. – И за квартиру – отдельно.

– Хорошо. Пусть будет восемьсот. Но вместе с квартирой. – Аглая, как и положено бабе с яйцами, умела торговаться. – Два выходных. Сегодня понедельник. В пятницу мы должны выехать. Устраивает вас такой расклад?

Меньше всего такой расклад устраивал театральную студию с ее экспериментальной «Снежной королевой». Три года я шила студийцам костюмы за смешные деньги. Может быть, у кого-то и восемьсот баксов вызовут смех. Но только не у меня. И потом, кто меня зовет! Не какая-нибудь одно-разовая беллетристка Михрюткина, а сама знаменитая Канунникова!

– Испытательный срок – месяц, – голос Аглаи опустил меня с небес на землю.

– Интересно, его хоть кто-нибудь выдерживал?

Аглая позвенела браслетами на запястьях, стерла улыбку с лица и припечатала:

– Никто.

– Понятно.

Я опрокинула в себя коньяк. Будь что будет. Сейчас я ска-

жу ей «да».

Но «да» пришлось отложить, поскольку к нашему столику подползли две упакованные мамзельки и в ритме хорошо темперированного клавира запричитали:

– Простите, ради бога! Вы... Вы не Аглая Канунникова?

– Да. Я могу вам чем-нибудь помочь? – Аглая была сама кротость.

Первая мамзелька толкнула вторую в бок, туго обтянутый прорезиненным платьем. И до меня донесся громкий шепот.

– Я же говорила тебе!..

– Мы такие ваши поклонницы, такие поклонницы... Мы вас видели по телевизору... Вы бы не могли оставить нам автограф?

– С удовольствием. На чем?

Поклонницы переглянулись, а потом одна из них щелкнула замком сумочки. Напрасный труд. Максимум, что могла поглотить сумочка, – набор презервативов, газовый баллончик и пачку жевательной резинки. Интересно, за что они ухватятся? Выбор невелик: салфетки, меню, карта вин и фольга от недогрызенного нами шоколада.

Ну, соображайте быстрее, кокотки!

Я и глазом не успела моргнуть, как Канунникова придвинула к себе «Роад Муви». Тот самый, который принесла в качестве заправки для разговора со мной. Девицы перестали мяться, едва лишь Аглая щелкнула ручкой.

– Если можно... Анюте и Марине.

Когда Анюта и Марина, прижимая к себе журнал, удалились, я хмыкнула.

— Щедрый жест, — я вспомнила подшивку, которую изучала в Дашкином кабинете. — Пятьдесят рублей в розничной продаже.

— Мне он достался бесплатно. Подарок главного редактора.

Где Главный, там и Дашка. Теперь понятно, откуда Аглая узнала мой телефон. И совершенно ясно, что список почитательниц Канунниковой может быть расширен еще и за счет гостиничных шлюх. Аглая всем пришлось ко двору. И нашим, и вашим. Дашка бы в этом случае добавила: «за копейку спляшем»...

Что ж, пора говорить «да».

— У вас очень широкий круг читателей, Аглая... — Я вопросительно посмотрела на Канунникову, в надежде, что она подскажет мне отчество.

— Можете называть меня просто Аглая.

— Думаете, они вас действительно читали? — Я выразительно посмотрела в сторону девах, пришвартовавшихся к стойке.

— Думаю, они читали только букварь. И надписи на купюрах.

— Думаю, если бы вам пришлось в голову организовать своих фанатов в партию, вы прошли бы в парламент.

Аглая снова уставилась на меня.

– Не тратьте силы, девочка. Я ведь уже сказала вам, что вы довольно остроумны.

«Это как раз то, чего тебе не хватает», – мстительно подумала я. С чем с чем, а с юмором у Канунниковой было слабовато. Во всяком случае, в ее неспешных, обстоятельных детективах.

Но в любом случае пора сдаваться.

– Я согласна.

– Отлично. – Аглая, до сих пор окучивавшая меня в довольно неторопливом ключе, резко засобиравшись. – Я позволю вам в четверг. А теперь мне пора идти, я и так потратила на вас непростительно много времени. Расплатитесь, пожалуйста, по счету, и будем считать, что вы приступили к выполнению своих обязанностей.

Все произошло так быстро, что я даже рта не успела раскрыть. И опомнилась только тогда, когда в руках у меня оказались две пятисотенные. А Аглая, со спины напоминавшая разрядницу по спортивной акробатике, скрылась в дверях бара.

...Остаток недели был проведен в душевной смуте. Во вторник я запоролла выкройку к балахону Северного оленя и укололась иголкой (последний раз это случилось со мной на уроке труда в пятом классе). А в среду отказала перспективной протеже мадам Цапник и сделала ручкой студийцам Дома культуры им. В. Кингисеппа. Я сожгла за собой все мосты и теперь убивала время, наблюдая за тем, как они горят.

Если Аглая не объявится, то...

Аглая объявилась в четверг, как и обещала. И сообщила, что в пятницу, в двадцать два часа, она будет ждать меня в Университете профсоюзов, после чего мы отправляемся на вокзал. Я покивала трубке головой, осторожно положила ее на рычаг и отправилась в ванную, собирать щетки, пасты, шампуни и пену для ванн.

– Сумасшедшая, – сказала я сама себе, стоило мне оказаться лицом к лицу с зеркалом. – И то, что ты собираешься сделать, – это авантюра чистой воды.

Мысль об аванюре не вылезала из моей башки все эти дни, хотя идею розыгрыша я отмела почти сразу. Не та персона, чтобы водить вокруг меня длинные, многофигурные хороводы с привлечением гостиничных шлюх в качестве солисток. Да и вряд ли такой занятой человек, как Аглая, может себе это позволить. А в том, что давешняя баба с яйцами и есть сама Канунникова, сомневаться не приходится: слишком уж лицо запоминающееся.

И расхвачанное большинством журналов, газет и телепрограмм с грифом «Для семейного просмотра».

– Сумасшедшая! – Я выдавила на стекло остатки зубной пасты из окаменевшего тюбика: получился довольно красно-речивый восклицательный знак. – Сумасшедшая. И диагноз поставить некому.

Это была чистая правда. Обычно советовала, заклинала и ставила диагнозы Дарья, но теперь – теперь совсем другое

дело. Одно лишь упоминание о Канунниковой, один лишь слог ее имени действуют на мою подругу как красная тряпка на быка.

А то, что я собираюсь совершить, иначе чем предательством не назовешь. Я попрала нашу многолетнюю дружбу, я растоптала память об университетской спайке и попугае Кеше, я супостатка, сволочь, вероотступница, – и буду оставаться такой до конца дней своих. Или до конца дней Аглаи Канунниковой...

...Но до конца было еще далеко, и следующим вечером, в половине десятого, со свеженьким клеймом предательницы на щеке, я уже прогуливалась возле Университета профсоюзов, бросая косые взгляды на плакат:

«ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

**АГЛАИ КАНУННИКОВОЙ.
НАЧАЛО В 19.30»**

За плечами у меня болтался рюкзак со шмотками на первое время, а на душе скребли кошки: перед самым выходом из дома на меня обрушился телефонный звонок.

Звонила Дарья.

Дарья, вестей от которой я и ждать-то перестала!

Она начала в своем обычном стиле – с наезда без знаков

препинания: куда пропала архаровка я тут рву за тебя задницу пробиваю место поздравляю твоя статья вышла в последнем номере ты понравилась есть серьезное предложение приезжай без проблем поживешь у меня первое время в кройку и шитье пинком под зад тебя ждет Москва ну и как тебе такие новости?

Я выдержала мхатовскую паузу, а потом бухнула, как мне казалось, совершенно нейтральную фразу:

– Я подумаю.

Дарья откликнулась только через минуту:

– Не поняла? Что значит – «подумаю»? После того, что я сказала, ты уже должна быть на вокзале и штурмовать кассу.

– Я понимаю... Но у меня изменились обстоятельства...

– Какие обстоятельства?! Замуж вышла? Или уже родила, не дай-то господи?

– Нет, но...

– Ты что? Не въезжаешь? – Дарья терпеть не могла, когда ее благородным порывам вставляли палки в колеса. – Место может уплыть...

– Вот если бы через месяц... Через месяц я бы могла сказать тебе точно...

– Через месяц ты будешь нужна только своей швейной машинке. Два дня. У тебя есть всего лишь два дня.

В трубке слышались безапелляционные гудки. Засранка! Ну почему, почему ты не позвонила неделю назад?.. Или хотя бы в понедельник утром?..

Я едва не расплакалась. Все было бы проще, если бы я не согласилась на предложение Аглаи – тогда бы у меня была свобода маневра. Но я согласилась и уже не могу взять свои слова обратно. Потому что обязательность – главная черта моего характера. Наряду с застенчивостью, мнительностью, первым разрядом по шахматам и абсолютной неприспособленностью к жизни. Дарья называет это «синдромом курочки Рябы». По большому счету, я и девственности лишилась только потому, что не смогла сказать «нет» первому попавшемуся подслеповатому мини-плейбою то ли с мехмата, то ли с геофака.

...Пока я мучилась угрызениями совести и проклинала собственную мягкотелость, из дверей Университета профсоюзов хлынула толпа просветленных фанатов Аглаи. Сама же Канунникова появилась только в начале одиннадцатого. К ней прилагались цветы и эскорт, который состоял из одинаково скучных мужчин и женщин. Аглая сразу же заметила меня и, спускаясь по ступенькам лестницы, бросила:

– Вы пришли. Очень хорошо. Поедете со мной.

И мы поехали.

Сначала был представительский «Мерседес». Потом – «Красная стрела».

А потом – в самом конце пути – Москва, в которую я не чаяла вернуться. И в которую возвращалась самым удивительным образом: по прихоти малознакомой мне женщины, знавшей толк в украденных поцелуях.

Если бы я только знала тогда, чем все обернется!..

* * *

...Аглая свила себе гнездо у метро «Аэропорт», в серой «сталинке», выходящей окнами на Ленинградский проспект.

Попасть в гнездо оказалось довольно затруднительным делом: и все из-за частокола людей, через который нам пришлось продираться. С таксистом, доставившим нас на место, все прошло более или менее гладко: очевидно, книжек Аглаи он не читал, многочисленные передачи с ее участием видел в гробу в белых тапках и потому попытался содрать с нас вдвое больше денег, чем стоила сама поездка. Мелкая склока завершилась победой Аглаи (в том, что она создана, чтобы побеждать, мне еще предстояло убедиться).

– Вы жлоб, голубчик, – сказала таксисту Аглая, когда мы покидали салон. – Рвач и хапуга, поверьте моему жизненно-му опыту!

Двор, куда привез нас таксист, был самым обыкновенным московским двором, отделенным от Ленинградки чугунной оградой и заросшим тополями.

Во дворе прогуливались мамаша с коляской, мужчина с ротвейлером, дворничиха со шлангом и два бездельника-подростка с дурными намерениями испытать китайскую пиротехнику. Чего я только не наслушалась за те три минуты, которые мы шли к угловому подъезду: «Здравствуйте,

здравствуйте-здравствуйте! Прочли последнюю книгу, видели вас по телевизору, очень удачная программа, и вы такая замечательная!...»

А консьержка, охранявшая ближние подступы к подъезду, даже вышла из своего закутка, чтобы лично поприветствовать Аглаю («Не подпишете книжечку племяннице, она просто с ума по васходит!»).

Аглая на ходу подписала «книжечку» и потащила меня к лифту.

...Дверь нам открыла женщина лет сорока пяти.

– Здравствуйте, Искра, – вежливо поздоровалась Канунникова. – Ну, как наши дела? Как...

Договорить она не успела. Между ног обладательницы революционного имени проскользнуло какое-то странное существо, напомнившее мне освежеванную тушку кролика. Существо неистово залаяло и принялось прыгать на Аглаю.

– Здравствуй, Ксоло! Здравствуй, моя хорошая!.. Да, мама приехала! Да!

От радости собака тотчас же сделала лужу, и Аглая, оторвавшись от Ксоло, холодно бросила женщине:

– Что же вы стоите, Искра? Берите тряпку и за работу.

Женщина исчезла в глубине квартиры, а Аглая повернулась ко мне с тем же вопросом:

– Что же вы стоите, Алиса? Поздоровайтесь с Ксоло.

Возможно, это один из тестов, входящих в программу испытательного срока. И хотя меня выворачивало от одного

только вида собаки, я присела перед ней на корточки и ележным голосом произнесла:

– Здравствуй, Ксоло.

Собака тяпнула меня за палец. Не больно, но достаточно ощутимо. Аглая рассмеялась.

– Очень хорошо. Меня она тоже укусила при первой встрече. И за тот же палец, представьте себе. Думаю, вы познакомитесь.

Еще не поздно было уйти. И из квартиры, и из жизни Аглаи; уйти, сославшись на аллергию на собачью шерсть. Но шерсти у проклятой Ксоло не было, и я сделала еще один неверный шаг в цепочке неверных шагов.

Я осталась.

И через пятнадцать минут уже восседала в гостиной, прислушиваясь к разговору на кухне, за стеной. Разговор шел на повышенных тонах.

– Как домработница вы бесперспективны, Искра, – вещала Аглая. – И никакой рекомендации я вам не дам, так что положите метлу и не имитируйте бурную хозяйственную деятельность!.. Или вы собрались лететь на ней... Не задерживаю!.. При чем здесь слезы?.. Меня не было неделю, и посмотрите, во что вы превратили кухню!.. Это что такое?! А это? А где кофейник?.. Ах, вы разбили его? Случайно?! Да у вас, как я посмотрю, руки под член заточены!..

Ответа несчастной Искры я не расслышала, но после него судьба домработницы была решена окончательно.

– Испытательного срока вы не выдержали. Вон отсюда! Во-он!

Так, с оставшейся за кадром безобразной сцены, началась моя служба у суперзвезды нового российского детектива Аглаи Канунниковой.

Очень скоро я поняла, что, нанимая меня на работу, Аглая слукавила.

Во-первых, найти квартиру в престижном районе (к коему, несомненно, принадлежал пятачок у метро «Аэропорт») за сто пятьдесят баксов было просто нереально. А каждый день ездить в центр из какого-нибудь богом забытого Перова или Алтуфьева, а тем более из подмосковного Зеленограда, мне вовсе не улыбалось. Пришлось пожертвовать частью причитающихся мне денег и снять однокомнатную халупу в Авиационном переулке, в десяти минутах ходьбы от Аглаино дома.

Во-вторых, функции личного секретаря оказались довольно размытыми. Я и понятия не имела, что в них могут входить мытье посуды, ежедневная влажная уборка квартиры и прогулки с ненавистной мне Ксоло, лопаткой и пакетиком для собачьего дерьма (Аглая, видите ли, была страстной поборницей чистоты улиц. И даже приняла участие в образцово-показательном социальном ролике: «Звезды против грязи»).

Третьим пунктом была работа с письмами. Я получила ключ от абонентского ящика на почте и дважды в неделю

выгребала оттуда горы посланий. Они были самыми разными, эти послания: от здравниц и восторгов по поводу Аглаино творчества до смиренных просьб помочь деньгами и продуктами. Попадались и рукописи. Романы, рассказы, заметки из жизни правоохранительных органов и преступных сообществ.

На каждое из этих писем я должна была давать ответ: Аглая очень заботилась о своей репутации. Два моих первых (пробных) опыта эпистолярного общения с поклонниками были одобрены.

– Отлично, девочка, отлично, – сказала Аглая, пробежав их глазами. – Я в вас не ошиблась. Я и сама написала бы так же. Если бы у меня было время отвечать на всякий вздор. И если бы я была такой же простушкой, как и вы.

Я фыркнула носом, всем своим видом выражая негодование.

– Ну, не дуйтесь. Людям нравится, когда с ними разговаривают вот так, запросто. Это их успокаивает.

Интересно, кем она себя мнит? Уж не Богородицей ли на сносях?

– И вот еще что, – не унималась Аглая. – Поблагодарите за рецепт слоеного пирога. Кажется, он был в письме. Напишите, что непременно им воспользуетесь.

– Вы?

– Я, конечно. Вы же пишете от моего имени.

Сдобу и сладости Канунникова презирала. А в домаш-

них условиях питалась исключительно кофе, базарным творогом и сырым, мелко наструганным и посоленным мясом. Все это закусывалось витаминами (американский сбалансированный комплекс на каждый день – в пластмассовых корбочках). Творог, мясо и покупка витаминов тоже были на мне, как и проклятая Ксоло, исподтишка хватавшая меня за икры.

За неделю до окончания испытательного срока я взбунтовалась. Время для бунта было выбрано самое неподходящее: Аглая только что вернулась с записи программы «Формула успеха» и пребывала в самом мрачном расположении духа. Она ненавидела публичные выступления, ее равно раздражали и недоброжелатели (за то, что они не желают ей добра и готовы утопить ее в чайной ложке), и оголтелые фанаты (за то, что они любят ее слишком сильно).

Иногда мне казалось, что весь мир находится у Аглаи Канунниковой на пресловутом испытательном сроке. И что если бы она могла, то уволила бы этот мир без выходного пособия да еще запустила бы ему вслед комнатным тапком.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказала я, посыпав зеленью ломтики сырой телятины и ставя тарелку перед Аглаей.

– Говорите, – милостиво разрешила она и принялась за мясо. – Но сначала, если вас не затруднит, налейте мне водки. Телевидение так утомляет... Никогда не становитесь знаменитой, девочка, это вылезет вам боком.

Как будто у меня есть выбор!.. Я – совсем непочтительно – плеснула водки в стакан (эксцентричная Аглая пила водку из граненых, еще доперестроечных общепитовских стаканов) и произнесла:

– Меня не устраивает мое нынешнее положение. Я разбираю вашу почту, я трачу свою жизнь на бессмысленные, никому не нужные ответы какой-то тете Мане из Уссурийска и дяде Феде из Гусь-Хрустального... Я сижу на телефоне, я договариваюсь о встречах, я отбираю вопросы для интервью... Я отбираю материалы для сайта... Я даже готова терпеть ваше хамство, вы имеете на него право. Но ходить на рынок, стирать белье, выгуливать вашу собаку... Я же не домработница, в конце концов!

– Вы не домработница, – успокоила меня Аглая. – Домработницы не задерживаются у меня больше недели. Вам удалось продержаться три, вы корректны, исполнительны, не суете нос в мой рабочий кабинет. Вы меня устраиваете.

– А вы меня – нет.

Аглая расхохоталась.

– Тогда почему вы все еще здесь?

Действительно, почему я все еще здесь?

Этот вопрос я и сама задавала себе каждое утро, вылезая из кровати и влезая в джинсы. Этот вопрос я задавала себе, когда чистила зубы и вытаскивала из абонентского ящика кипу писем, адресованных Аглае Канунниковой.

В жизни своей я не видела такой высокомерной стервы.

Такой расчетливой стервы. Такой циничной стервы. Стервы, полной намеков. Стервы, полной тайн. Конечно, я подозревала, что все эти тайны и выеденного яйца не стоят. И связаны разве что с оригинальным способом заточки карандашей или настаиванием спирта на укропе с чесноком.

Но как они подавались!..

Одна из комнат в квартире Аглаи была отведена под кабинет. За те три недели, в течение которых я исполняла свои псевдосекретарские функции, мне ни разу не удалось переступить его порог. О том, что в доме существует запретная зона, Аглая предупредила сразу же.

– И прошу вас, девочка, никогда не заглядывать ко мне. Есть ли я дома, нет меня – неважно. Это требование не кажется вам таким уж невыполнимым? – Она поднесла руку к подбородку – очевидно, для того, чтобы потеревить воображаемую Синюю Бороду.

– Не кажется, – соврала я. – Я нелюбопытна.

– Нелюбопытных людей не существует в принципе. Это – генетическая аномалия. А вся проблема заключается в том, чтобы хорошенько взнуздать свое любопытство. А затем вовремя дать ему по рукам. Вы меня поняли?

– Да...

Мне был отведен крошечный девятиметровый закуток между кабинетом и кухней. Большую часть заутка занимала лежанка для дневной дуры-Ксоло (ночная дура-Ксоло всегда спала с хозяйкой). Лежанка была заполнена стегаными оде-

ьяльцами, кусками шелка с ярким геометрическим рисунком, подушками в латиноамериканском стиле. Мне же достался стол у окна (с компьютером и принтером), спартанский стул (очевидно, для того, чтобы не расслабляться и честно зарабатывать производственный геморрой) – и телефон. Иногда я подавляла в себе желание ухватить проклятый аппарат и разбить его равнодушно поблескивающую кнопками голову о стену.

Звонили каждые пятнадцать минут, а не снимать трубку было нельзя. На этот счет я тоже получила инструкции Аглаи. Вместе с инструкциями мне был предоставлен список изданий, с которыми можно иметь дело. И список изданий, которые нужно посылать к чертовой матери.

Кроме того, я обязана была отслеживать все публикации о ней и все упоминания ее имени в прессе. А в конце каждой недели – предоставлять об этом полный отчет. Аглая следила за высказываниями о себе так же ревниво и внимательно, как любая другая женщина следила бы за кожей лица.

Кожа не должна увядать. Имя Канунниковой – тоже.

Истинное предназначение отчетов (так же, как и архива публикаций, который надлежало холить, нежить и пополнять) выяснилось чуть позже, когда Аглая выдала мне пару томов своих произведений – для ознакомления с творчеством. По странному стечению обстоятельств, все злодеи в них носили фамилии журнальных и газетных обидчиков Канунниковой.

И не только журнальных и газетных. К ним вплотную при-мыкали недостаточно вежливые кассирши в супермаркетах, недостаточно расторопные официанты в ресторанах, недостаточно сообразительные таксисты и недостаточно воспитанные тинэйджеры, вооруженные роликовыми коньками и универсальным выражением «Куда прешь, старая курва!». Словом, все те, кто хоть когда-нибудь позволил себе неосторожный жест или косой взгляд в сторону Великой Аглаи.

Иногда мне даже казалось, что и писать-то она начала исключительно для того, чтобы заниматься интеллектуальным киллерством: роль бумажной убийцы, типографского ангела мщения удавалась ей лучше всего.

Да, именно так. Аглая была чудовищно мстительна.

Эта кровожадность в подборе материала так и осталась для меня непонятной. Другое дело, если бы она была слепоглухонемой, прикованной к инвалидному креслу, старухой. С переведенным в формат Брайля двухтомником «Ярмарки тщеславия» под мышкой. С целым букетом сопутствующих радостей – от подагры до воспаления щитовидной железы.

Или все дело было в какой-то трагической любовной истории?

Кой черт, любовная история! Любовная история предполагает наличие хотя бы одного, даже самого захудалого, мужичонки.

У Аглаи же вообще не было мужчин. То есть, возможно, они и были – в какой-то прошлой жизни. Но я и намека на

них не застала. Как не застала намек на все остальное. Ни одной детской или семейной фотографии, ни одного дружеского звонка, ни одной милой безделицы, привезенной откуда-то из-за границы.

Дом ее был функционален и безлик, посуда – функциональна и бесхитростна, одежда – функциональна и удобна, макияж – функционален и практичен (чтобы глаза и губы не потерялись на лице безвозвратно). Даже ковров она не завела – из соображений функциональности. Даже свою собаку она именovala Ксоло, по второму названию породы – ксолоитцкуинтли. Ксоло – и никаких проблем с кличкой. Если бы у Аглаи был ризеншнауцер, он наверняка именовался бы Ризен, если доберман – то Добер... И пошло-поехало...

У меня оставалась надежда, что настоящая жизнь настоящей Аглаи Канунниковой прячется за стенами ее рабочего кабинета. Но проверить это было невозможно. Дверь кабинета всегда запиралась на ключ. В обычные дни Аглая практически не покидала его – если не считать короткого перерыва на так называемый «ланч».

Обедать она предпочитала вне дома.

В полном одиночестве.

Я же оставалась в квартире вместе с Ксоло – терзаемая самым ужасным комплексом, который только можно себе представить: комплексом жены Синей Бороды.

Каждый день моего пребывания в доме Аглаи мог стать последним (ведь меня никто не удерживал насильно) – и не

становился.

Или все дело было в слабостях Аглаи? Милых, небрежно скрываемых слабостях?

Она была привязана к своей собаке, маленькому чудовищу, один вид которого приводил меня в содрогание. Она читала Ксоло стихи на испанском (я сама это слышала, прижав к стене литровую банку и приложив к ней ухо). Она обожала старое французское кино, она умело обращалась с серебром (с десятков колец на ее пальцах вовсе не выглядел вульгарно); она могла сделать своей сообщницей любую вещь, она была по-детски равнодушна к деньгам... В ее доме не было ни одной пепельницы, хотя курила она как паровоз, страхивая пепел куда попало.

И потом – она была удивительным собеседником.

Если, конечно, снисходила до меня.

Это случалось нечасто, но случалось. Мы никогда не говорили об обыденных вещах – на них ей было наплевать. Но она так умела препарировать человеческую природу, что у меня даже дух захватывало. Если бы она только захотела!..

Если бы она только захотела – она могла бы основать любое учение, любую секту.

Если бы только она захотела – она могла бы без всяких последствий ограбить Национальный резервный банк США, музей Гугенхэйма, ближайший ларек.

Если бы она только захотела – она бы могла заарканить любого мужика. Любого – или всех сразу. И дело было не в

ее деньгах и не в ее славе – дело было в ней самой.

Даже самый распоследний жиголо бы дрогнул, даже Иисус Христос бы не устоял, клянусь, – если бы только она захотела!

Но она не хотела и, наверное, поэтому выбрала для себя этот совершенно неопределенный возраст. Хотя – с ее точеной фигуркой и высокими девичьими скулами – могла безнаказанно оставаться тридцатилетней. Но ей нравилось быть чуточку древней, как какая-нибудь Лилит³. Это означало быть свободной и от страстей, и от секса, и от вопросов давно умерших родителей: «Почему ты не родишь, дорогая, ведь годы-то идут...» И от вопросов подружек в сауне: «Когда же ты выйдешь замуж, дорогая, ведь годы-то идут...»

Аглая дала на эти вопросы кардинальный ответ: «Возраст ожидания прошел, ловить нечего, так что оставьте меня в покое. И не мешайте мне писать». Тем более что ни родителей, ни подруг у нее не было. Было только одно – «писать».

Писать – это получалось здорово.

Писать – соблазн и соблазнение одновременно.

Если бы она захотела – она могла бы написать великую книгу. Библию-2, до которой не было бы дела ни подружкам в сауне, ни давно умершим родителям.

Но Аглая писала детективы.

Она писала детективы, которые читали все. Детектив как жанр и популярность, с ним связанная, развратили ее. Сле-

³ Лилит – была до Евы.

лали слишком зависимой от этой популярности. Заставили идти на любые ухищрения, чтобы ее сохранить.

И тогда круг замкнулся. И Аглае Канунниковой понадобился личный секретарь, чтобы разгрести дерьмо ее славы. И подкармливать производителей дерьма.

Почему я все еще здесь?..

– ...Тогда почему вы все еще здесь? – снова переспросила меня Аглая. – Мучаетесь комплексом жены Синей Бороды?

Не в бровь, а в глаз!

– Или не можете понять, что же я представляю собой на самом деле? – Она продолжала добивать меня. – Ни одной семейной фотографии, ни одного дружеского звонка? Ни одного бесцельного визита. Ни одного приглашения на вечер встречи выпускников. Никто не поинтересуется, как поживает мой хронический бронхит...

– Как поживает ваш хронический бронхит? – растерянно спросила я.

– Как всегда. Хотите водки?

– Хочу, – пить водку мне вовсе не улыбалось, но пить водку с Аглаей... Так близко к себе она меня еще не подпускала.

– Доставайте стакан.

Мы напились.

Вернее, напилась я.

А очнулась оттого, что кто-то страстно облизывал мне лицо. Я не почувствовала никакого отвращения, тем более что последним кадром моего гиперсексуального сна был кадр с

Бывшим. Далее должны были следовать титры («во время съемок ни одна женщина не пострадала»), но титры меня не интересовали.

Так что пора просыпаться.

Я открыла сначала один глаз, потом другой. Черт возьми, сплошная проза! Я лежала на собачьем диванчике, в груде подушек, а ошалевшая от такого соседства Ксоло тыкалась языком мне в щеку.

– Не подлизывайся, – простонала я. – Все равно я тебя ненавижу.

И, спустив ноги с диванчика, побрела в ванную, принимать душ.

Только стоя под струями воды, я сообразила, что нахожусь у Аглаи. И что ночью в ее доме. Это открытие так потрясло меня, что я напрочь забыла о том, как плохо переношу спиртное в больших количествах и как долго болею после подобных возлияний.

Я впервые ночевала в ее доме!

Это было все равно что переночевать в божьих яслях, при большом стечении волхвов.

Холодный душ отрезвил меня, и я почувствовала что-то вроде угрызений совести. Господи, какую чушь я плела, как я хотела хоть чем-то поразить ее! Все мои домыслы об Аглае Канунниковой были вывалены на стол, приправлены обличительным пафосом и тщательно перемешаны с тонкими ломтиками сырого мяса.

Кажется, я тоже ела это сырое мясо. А вдруг у меня будут глисты?!

Или она меня уволит.

Она меня уволит после вчерашних показательных выступлений, и к гадалке ходить не нужно!

Наскоро вытершись хозяйским полотенцем, я выскочила из ванной и на цыпочках двинулась обратно, в свой секретарский закуток. Для того чтобы попасть в него, нужно было пройти мимо Аглаинового кабинета. Сколько раз я совершала этот путь при свете дня, сколько раз останавливалась возле заветной двери! За ней были написаны все ее вещи. За ней Аглая начала писать свой последний роман.

Об этом романе уже пошли слухи в околोलитературной среде. Слухи исходили от самой Аглаи. О нем она вещала во всех своих последних интервью. «Это будет моя лучшая книга», – намекала она одному изданию. «Это будет совершенно необычный для меня роман. Роман, в котором я предстану совершенно в ином качестве», – обещала она второму. «Прежней Аглаи Канунниковой не будет никогда», – пугала она третье.

В умении заворачивать интригу вокруг собственной жизни и собственного творчества ей не было равных. И Аглая добилась своего: книга еще не была написана, а за нее уже начали борьбу несколько крупных издательств. Я и сама оказалась вовлеченной в перипетии этой борьбы: не было дня, чтобы не раздавался телефонный звонок по поводу «возмож-

ной... э-э... публикации... э-э... госпожи Канунниковой... э-э... в нашем издательстве. Вы бы не могли... э-э... передать ей...».

Отчего же не передать, только все это – пустые хлопоты.

Ни большие деньги, ни раскрутка ее не волновали. Она раскрутилась задолго до последнего романа, а что касается денег... Деньги были для Аглаи такой же функцией, как и все остальное.

...Из-под плотно закрытых дверей Аглаинового кабинета просачивалась узкая полоска света. Не спит, надо же! Хотя чему удивляться, я ведь тоже не сплю.

В меня как будто вселился бес филологического вуайеризма: плохо соображая, что делаю, я приблизилась к дверям и попыталась заглянуть в замочную скважину (раньше я и подумать не могла о таком святотатстве!). Но все было тщетно: с противоположной стороны в дверях торчал ключ. Тогда я приложила к ним ухо: в кабинете кто-то разговаривал.

Черт возьми, что значит – «кто-то»? Аглая, вот кто!

Интересно, с кем она беседует? Насколько мне известно, телефона в кабинете нет, как нет ни телевизора, ни даже самого завалященького радиоприемника (это отвлекало бы примадонну от работы). Но не может же она разговаривать сама с собой, да еще среди ночи!

Хотя... Что я могу знать о ночах Аглаи?..

Мореный дуб, из которого были сооружены двери, не оставлял практически никаких шансов, но все же мне уда-

лось разобрать обрывок одной-единственной фразы:

«...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени».

Пока я переваривала услышанное, в кабинете раздались шаги. Кто-то приближался к двери. За которой стояла я, да еще в красноречивой и совершенно недвусмысленной позе. Встреча с кем бы то ни было (а тем более с самой хозяйкой) вовсе не входила в мои планы, и через десять секунд я уже лежала на диванчике, в холодных объятиях Ксоло.

Просто потому, что больше прилечь было негде. А лучше всего мне думается в горизонтальном положении. Постельная страсть к анализу всегда подводила меня, из-за нее я не слишком преуспела как сексуальная партнерша. Неизвестно, когда во мне выработался этот рефлекс, но он выработался: легла – думай! И никаких посторонних занятий любовью.

А подумать было о чем.

Во-первых, Аглае кто-то угрожает.

Во-вторых, ее пытаются шантажировать.

И, в-третьих, ей плевать на шантаж. Как и на все остальное.

Но я слишком мало знала об Аглае, чтобы уложить услышанное хоть в какой-то контекст. А – следовательно, должна узнать больше. Движимая этим совершенно естественным желанием, я соскочила с лежанки, едва не раздавив при этом голозадую и голоногую Ксоло, и направилась к своему рабочему столу. Там, в нижнем ящике, стояла моя универсальная

литровая банка, ловко закамуфлированная под емкость для ручек и карандашей.

Стараясь не издавать лишних звуков, я вынула карандаши и приставила банку к стене. Возможно, кое-что прояснится.

Но ничего и не думало проясняться. В кабинете не было слышно ни звука. Кроме равномерного постукивания с интервалом в секунд пятнадцать-двадцать. Постукивание отдаленно напоминало удары метронома.

И больше ничего.

Но, черт возьми, ведь кто-то вынудил Аглаю произнести: «...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени».

Довольно скоро у меня стали затекать руки (как оказалось, «заточенными под член» они бывают не только у неудавшихся домработниц); банка из подслушивающего устройства превратилась в орудие пытки, а потом...

Потом за моей спиной раздался ласковый шепот:

– Подслушиваете, маленькая дрянь?

Банка выпала у меня из рук и с оглушительным звоном разбилась. С таким же оглушительным звоном разбилась моя недолгая карьера личного секретаря. Я прилипла к стене, не решаясь обернуться. Но боковым зрением видела, как Аглая уселась на диванчик и взяла Ксоло на руки. И принялась легонько поглаживать ее лысый, вытянутый череп.

Никакой сцены не последовало, и я вдруг почувствовала сожаление: если бы Аглая разошлась, она бы наверняка ода-

рила меня парочкой афоризмов.

– Мне собирать вещи? – спросила я, наконец-то обернувшись.

– Вещи? – Она удивленно приподняла брови. – Какие вещи? Разве у вас есть здесь вещи?

– Кое-что накопилось, – я ухватила за край стола. – Блокнот, ручки, точилка для карандашей, две пары туфель...

– Кстати, насчет туфель. Совсем забыла вам сказать... Ваши шпильки портят паркет. Подыщите себе что-нибудь другое, домашние тапочки, например...

Интересный поворот.

– И все? – я не верила своим ушам.

– Ах да. Соберите осколки.

– И все?

– Все остальное – утром.

Или через пару-тройку месяцев. Я наверняка буду фигурировать в ее новой ослепительной книге как главная злодейка. Жестокосердная маньячка, растлительница школьников выпускных классов с уклоном в оккультизм и черную магию. Может быть, даже каннибалка. Или (чур меня, чур!) охотница за наследством.

– Только не делайте меня охотницей за наследством, – гори все огнем, я тоже умею хлопать дверью напоследок. Особенно, если за ней бродит призрак шантажа.

– Воздержусь, – успокоила меня Аглая.

Уже выйдя из комнаты, она остановилась. И растянула губы в дружеской улыбке.

– И вот еще что, Алиса. Если к вам ни с того, ни с сего начнут приставать молодые люди... Скажем, любители виниловых пластинок... Или баночного пива... Или барда Олега Митяева... Хорошенько подумайте, прежде чем на радостях глотать противозачаточные пилюли.

– ?!

– У любого издательства найдется в колоде не один десяток смазливеньких валетиков... Которые не прочь стать корольками...

* * *

...Разбитая банка не имела никаких последствий.

Аглая не выкинула меня из дома, совсем напротив. Она даже презентовала мне деревянный стаканчик для карандашей: на нем с самым суровым видом восседала революционная тройка обезьян – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

Я была тронута.

И довольно быстро забыла прискорбный ночной инцидент. И не вспоминала о нем два месяца, пока он сам не напомнил о себе.

Это случилось в самом начале октября, в самом начале недели и в самом начале новой жизни. Именно новой. Нака-

нуну вечером мы с Аглаей ужинали в маленьком кафе при маленьком кинотеатрике. Кинотеатрик этот носил довольно странное и совершенно нетипичное для подобных заведений название «КИНО – ЭТО ПРАВДА 24 КАДРА В СЕКУНДУ». И прозябал в самой глубине Замоскворечья, очевидно, стесняясь такого длинного и претенциозного имени.

В кинотеатрике крутили фильмы буйных пятидесятых. И нежных шестидесятых. Всем остальным фильмам более поздних, здравомыслящих времен вход был строго запрещен.

Неизвестно, каким образом Аглая пронюхала о существовании «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРАВСЕКУНДУ», но теперь мы посещали его каждую неделю, по воскресеньям. Ради этих воскресных культпоходов, ради какой-нибудь выцветшей Дельфин Сейриг⁴ в выцветшей копии «В прошлом году в Мариенбаде» Аглая откладывала все светские тусовки и презентации, на которые ее приглашали.

В тот вечер шли «Украденные поцелуи», осененные все той же кукольной головкой Дельфин Сейриг, и Аглая была в особенно приподнятом настроении.

Да еще кафе с музыкальным автоматом и барменом, облаченным в раритетную шерстяную безрукавку и с узким галстуком на шее...

– Когда я пойму, что больше не могу написать ни строчки, – сказала Аглая, – то устроюсь сюда кассиром. Вы даже

⁴ Дельфин Сейриг – французская киноактриса.

не представляете, как я об этом мечтаю!

– Не написать ни строчки? – за три месяца работы я заслужила право на небольшое изысканное хамство (по квоте – раз в две недели, не чаще).

– Может быть, может быть... Конкурентная борьба не для меня. А книжный рынок – это прежде всего конкурентная борьба. Со своими жертвами, между прочим.

– Ну, вам пока ничто не угрожает, Аглая.

– Вот именно – пока.

– Когда вы закончите ваш эпохальный роман? – Это был вопрос из категории запрещенных, но кофе, который мы пили, был так хорошо заварен!.. Следовательно, у Аглаи не должно возникнуть повода сердиться.

– Он написан. Осталось только как следует вычитать его и внести последние правки... Думаю, к Новому году управлюсь. И вот еще что, Алиса. Я бы хотела, чтобы вы занялись составлением сводного глоссария к моим книгам. У вас должно получиться. Да и мне было бы интересно заглянуть в него на досуге. И не только мне.

– А... кому еще?

– Сумасшедшим немцам. Вы согласны? Возможно, это не то, о чем вы мечтали...

– Не то?.. Почему не то? Конечно, я попробую... Это ведь касается ваших последних переговоров?

Совсем недавно Аглая вернулась с Франкфуртской книжной ярмарки, где получила предложение от одного крупного

немецкого издательства о публикации собрания сочинений. Поскольку у читающих, видите ли, немцев неожиданно возник стойкий интерес к Kriminalgeschichte⁵ фрау Канунниковой. До этого были еще и англичане с итальянцами, но итало-английскую эпопею Аглаи я не застала.

– Да, это касается моих последних переговоров. Завтра в четыре из Мюнхена прилетает переводчик. Некто герр Райнер-Вернер Рабенбауэр, я уже встречалась с ним в Германии. Не самый приятный человек, мягко говоря. Но довольно сносно лопочет по-русски.

– Не самый приятный?

– Единственное достоинство этого господина заключается в том, что ему не нужно объяснять на пальцах русскую ненормативную лексику.

Аглая скорчила гримасу, происхождение которой мне было понятно: приезжал всего лишь Райнер-Вернер, а не Кристоф-Франсуа, например. Или Жан-Пьер. Или Жак-Анри. Франция, родина «Украденных поцелуев», была по-прежнему равнодушна к творчеству Аглаи.

– Займитесь этим немчиком, Алиса.

– Сегодня же напишу плакат для встречи в аэропорту.

...Я действительно приехала в Шереметьево с плакатом и с очередной пачкой писем, которую еще с утра вытащила из абонентского ящика (письма я намеревалась почитать по дороге, чтобы ожидание герра Райнера-Вернера Рабенбауэ-

⁵ Криминальным повестям (нем.).

ра было не таким тоскливым). Эта пачка, вернее, одно из писем в пачке так испортили мне настроение, что я едва не пропустила объявление о прибытии самолета «Люфтваффе», следующего рейсом из Мюнхена.

Письмо было засунуто в блеклый конверт без обнадеживающего обратного адреса. Я ненавидела отсутствие обратных адресов: как правило, за ними скрывались сладострастные пасквилянты, тихопомешанные защитники литературы Большого Стиля или секс-хулиганы, готовые залить спермой из своих худосочных брендспойтов любое, даже едва тлеющее, книжное откровение. Подобные письма я никогда не показывала Аглае и, как правило, выбрасывала в корзину прямо на почте. За исключением особо выдающихся или особо циничных образцов. Они и составили небольшую подборку, которая хранилась в нижнем ящике моего рабочего стола.

Непонятно зачем я собирала их. Все эти заскорузлые листки. Все эти с мясом вырванные и испохабленные страницы из Аглаиных книг с приписками: «Вот, спустил давеча на твою героиню, полюбуйся. С женой так не получается последние пять лет...» Или – «Вы не просто графоманка, вы графоманьячка!». Или – «Я, потомок выдающегося писателя Козьмы Пруtkова, подаю на вас в суд за осквернение великого и могучего русского языка!».

Предчувствуя нечто подобное, я вскрыла конверт. Из него выпал листок с одной-единственной, набранной крупным

шрифтом фразой:

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Листок не понравился мне. Очень не понравился. Я работала у Аглаи несколько месяцев и за это время выудила из почты с добрых два десятка подметных цидулок.

Подать в суд за осквернение великого и могучего – было.

Подать в суд за литературный плагиат – было.

Подать в суд за использование имени и фамилии в произведении – было.

Но такой странной угрозы на моей памяти не было. Да и сукой Аглаю Канунникову никто не называл, разве что очаровательные коллеги по детективному цеху, да и то в семейном кругу. И при чем здесь цветы?..

Нужно поскорее избавиться от записки и забыть о ней. Наверняка какой-то сумасшедший, не иначе. Сумасшедший, с литературным словом «сука» наперевес.

Но выбросить конверт я не успела – появились первые ласточки с рейса Мюнхен – Москва. И мне ничего не оставалось, как поднять табличку: «RAINER WERNER RABENBAUER».

За первыми ласточками последовали менее расторопные щеглы, потом пришел черед основной стаи, и под самый занавес косяком пошли неторопливые, слегка потрепанные в боях с таможней удода.

Райнер-Вернер оказался бакланом.

Он вышел последним – когда я уже потеряла всякую надежду на встречу. Баклан приблизился ко мне и сказал:

– Райнер-Вернер – это я. Вы представитель фрау Канунниковой?

Я кивнула.

– А где же сама фрау?

– Я – ее личный секретарь.

Аглая, как обычно, слушавила: Райнер-Вернер не просто хорошо говорил по-русски. Он говорил по-русски практически без акцента. Хотя легкий акцент все же был: он живо напомнил мне специфический говорок завсегдатаев одесского Привоза.

– Меня зовут Алиса.

– Ага. Как Алиса в стране чудес?..

– Как «Алиса здесь больше не живет»⁶, – отрезала я. Терпеть не могу когда начинают прохаживаться по моему не слишком удачному имени.

– Понятно. А я – Райнер-Вернер. Впрочем, вы это уже поняли. – Он склонил голову набок и принялся разглядывать меня самым бесцеремонным образом.

Я тоже не осталась в долгу.

Райнер-Вернер был типичным немчурой из культурфильма времен Третьего рейха «Наш вермахт». Коротко стриженные, зачесанные назад белые волосы, правильной формы череп, правильной формы глаза, правильной формы нос... А

⁶ Фильм М. Скорсезе.

на монументальном подбородке Райнера-Вернера могла бы развернуться танковая армия Гудериана. Без всякого стеснения. И еще осталось бы место для Рейхсканцелярии и Бранденбургских ворот.

Массивная голова немца была посажена на такие же массивные плечи. Опустить взгляд ниже я не рискнула: уж слишком вызывающе бугрились узкие райнер-вернеровские джинсы. Самые сексуально озабоченные джинсы, которые я видела в своей жизни.

Так и не дойдя до границ тайной радости нимфоманок, я снова повернула обратно и уткнулась в левое немецкое ухо с болтавшимися там двумя серьгами (о, майне кляйне⁷ Райнер-Вернер, вермахт бы этого не одобрил!). На мизинце тоже что-то серебрилось, но рассмотреть перстень я не успела. Немец поправил сумку на плече и по-свойски обнял меня.

– Что будем делать? – спросил Райнер-Вернер. В его контексте это прозвучало как: «С какой позы начнем?»

– Я отвезу вас в гостиницу, – сказала я. В моем контексте это прозвучало как: «Я честная женщина и последний раз имела секс четыре года назад. По телефону».

– А фрау Канунникова? – В его контексте это прозвучало как: «Можем и втроем. Она за главную, ты на подхвате».

– Фрау Канунникова ждет вас завтра с утра, – в моем контексте это прозвучало как: «Займись-ка ты лучше самоудовлетворением, мальчуган».

⁷ Мой маленький (*иск. нем.*).

Райнер-Вернер понимающе засопел. И больше не сказал ни слова. В полном молчании мы вышли из аэропорта и погрузились в такси.

Разговор возобновился только в районе дорожного указателя «ХИМКИ». Майне кляйне Райнер проводил взглядом бетонные соты и произнес.

– Давно мечтал побывать в России.

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – сказала я только для того, чтобы что-то сказать. Мечты немецкого жеребца меня не интересовали. И еще это дурацкое письмо!..

– Моя мать была русской.

– Правда? Просто замечательно.

– Ничего замечательного в этом нет. Она нас бросила, когда мне было полтора года. С тех пор я ее не видел.

– Извините.

– Ничего. Я уже вырос.

Мы снова замолчали, тем более что на горизонте замаячила Москва.

– Это Москва? – спросил Райнер-Вернер.

– Москва, – односложно ответила я.

– Давно мечтал побывать в Москве.

– Да, я понимаю, – гид из меня никудышный, это точно.

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!» Первые два слова выглядели как предупреждение. Последнее было явной угрозой. А этот странный, так до конца и не подслушанный мной разговор в кабинете? Тогда Аглае тоже кто-то угрожал. Я понятия не

имела о существовании вопроса, зато мне достался ответ: «...не стоит мне угрожать. И шантаж у вас не пройдет. Это напрасная трата времени».

А самым удивительным было то, что к воспоминаниям об этой ночи мы больше никогда не возвращались. Аглая сделала вид, что ничего не произошло, я подыграла ей, и тема закрылась сама собой. И еще Ксоло! Чтобы хоть как-то ладить с лысой тварью, я прочла кое-какие статьи о ксолоитцкуинтли. Собаки этой породы так и норовят провести ночь в постели хозяев. Аглая поощряла дурные наклонности Ксоло, она сама говорила мне об этом. А ту – единственную – ночь Ксоло провела со мной. Аглая вернулась в кабинет, а Ксоло осталась.

Это было нарушением правил. Она никогда не нарушила бы правил, если бы не была так взволнована.

Было и еще одно нарушение: она оставила меня. Хотя предыдущая соискательница места вылетела только за то, что один-единственный раз оказалась подозрительно близко от дверей кабинета. А мне все сошло с рук. Интересно, почему?.. Может быть, она решила, что я слышала гораздо больше, чем я слышала на самом деле? И на всякий случай решила придержать меня?..

– Простите! – напомнил о себе Райнер-Вернер. – Я бы хотел, чтобы вы показали мне вот это... Если, конечно, у вас будет время...

Он растянул рюкзак, деловито покопался в его внутрен-

ностях и протянул листок из блокнота. На листке четким готическим почерком были выведены несколько адресов с довольно экзотическими комментариями.

1. *Малый Татарский переулок, 4/1, флигель во дворе* – пироманьяк (7 пожаров в административных зданиях, 35 погибших);

2. *Ул. Василисы Кожинной, 2, центр «Ваш досуг»* – детское порно (подпольная студия, продажа кассет в страны Западной Европы);

3. *2-я ул. Усиевича, 13, подвал* – сатанисты (осквернение могил, ритуальные убийства подростков не старше 15 лет);

4. *Бульвар Матроса Железняка, центр госпитализации и перевозки рожениц* – врачи-убийцы (использование абортивного материала для медицинских опытов, похищение младенцев)...

Далее следовало еще девять пунктов, но и первых четырех мне было достаточно. Я искоса посмотрела на потомка Зигфрида:

– Что это?

– Достопримечательности, которые мне необходимо увидеть.

У меня отвисла челюсть. А на то, чтобы водворить ее на место, понадобилось несколько минут. После чего я робко спросила:

– Может быть, лучше начать с чего-нибудь... менее душе-раздирающего? С Красной площади, например? Или с храма

Христа Спасителя?

Райнер-Вернер сразу же поскукнел:

– Да, конечно. О Христе Спасителе я как-то не подумал...

– Где вы раздобыли все эти ужасы? – Я напрягла память, но ни одного громкого процесса, связанного с пироманьяком или сатанистами, не вспомнила (хотя по поручению Аглаи отслеживала все судебные новинки). А врачи-убийцы стойко ассоциировались у меня лишь с почившим в бозе Иосифом Виссарионовичем. – И кто вам дал такую информацию?

– Это моя работа, – Райнер-Вернер ослабился и явил мне клыки – непорочно-белые, как стены аббатства св. Бригитты Шведской.

– Ваша работа? – изумилась я.

– Я перевожу русские детективы. Все эти места подробно описаны в книгах. Я хотел бы увидеть их воочию, получить, так сказать, эмоциональный заряд... Для переводчика это важно.

Я мысленно прогундосила осанну Аглае Канунниковой: до чего метресса никогда не опускалась, так это до использования в своих книгах абортивного материала.

Остаток пути до гостиницы я вполуха слушала разглазгования Райнера о брутальности русского детектива, а также о его излишней, почти клинической, физиологичности. Когда же такси притормаживало у светофоров, немец переходил к лирическим отступлениям. Из них я узнала,

что папашка Райнера – *der erhabene Mann*⁸ и к тому же владеет маленькой типографией в Нюрнберге. Что он на всю жизнь остался верен русским женщинам (последняя русская жена оттяпала у папашки полдома, но это пустяки). И что сам Райнер написал исследование по русской же ненормативной лексике. И теперь несказанно радуется, когда находит знакомые слова в переводимых им детективах (а радоваться приходится часто). Что с писательницей такого калибра, как фрау Канунникова, он работает впервые, и это большая честь для него (до сих пор Райнер-Вернер месил дерьмо одноразовых триллеров, хотя и в них находил свою прелесть).

Кроме того, простой, как пачка маргарина, бундес два раза срыгнул, три раза испортил воздух и непрестанно чесал в паху.

Когда мы (наконец-то!) подъехали к гостинице «Минск», где для души Райнера был заказан номер, свершилось то, что должно было свершиться: я его возненавидела.

И укрепилась в своей ненависти еще больше – после того, как он шепнул мне на прощание:

– Вы не подскажете, *meine liebe*⁹ Алиса, где я могу найти проститутку?..

⁸ Святой человек (*нем.*).

⁹ Дорогая (*нем.*).

...Я так ничего и не сказала Аглае о письме.

Я просто сунула конверт в нижний ящик стола и решила забыть о нем. Забыть получилось на следующий же день, когда в квартире Канунниковой нарисовался оглашенный немец.

Но до этого был еще тихий вечер с Аглаей.

– Ну, и как вам этот гибрид платяного шкафа с вибратором? – спросила она, стоило мне только переступить порог.

– Ужасно, – я рассталась с Рабенбауэром не больше сорока минут назад, и поэтому впечатления от встречи были особенно сильны. – Вы собираетесь с ним работать?

– Вы. Работать с ним будете вы. Я, к сожалению, даже не смогу появиться в его обществе.

– Почему?

– Он смотрится как профессиональный жиголо. Даже если на него натянуть профессорскую мантию, усадить в инвалидное кресло и дать в руки воздушный шарик. Все подумают, что Аглая Канунникова завела себе жеребца на старости лет. И предается порочным страстям. А у меня репутация.

А у меня, выходит, нет.

– Вы можете представить его как прототип героя вашей новой книги, – сказала я первое, что пришло на ум.

– Я не пишу порнороманов. Отдала их на откуп своим

конкуренткам.

Я с тоской взглянула на Ксоло, вертевшуюся у ног хозяйки. И впервые почувствовала к мерзкой собачонке нечто вроде симпатии. Все познается в сравнении, а после Райнера-Вернера любой твари можно выдавать нимб и подержанные крылья.

– Говорят, он неплохой переводчик. Прекрасно чувствует язык, – утешила меня Аглая. – Особенно разговорный. Последние несколько лет специализируется на боевиках и триллерах. Легко обучаем. И к тому же – наполовину русский.

– Да. Он только не сказал, на какую именно половину.

– Думаю, на худшую. Ну, не расстраивайтесь, девочка. У вас еще будет время, чтобы расстроиться...

...Райнер-Вернер Рабенбауэр не уронил засаленного стяга немецкой пунктуальности. Он появился ровно в одиннадцать, распространяя вокруг себя запах мускусного ореха. Я было подумала, что прошедшую ночь мюнхенский козлик провел в объятьях негритянки, но все оказалось гораздо проще: запах шел от большого бумажного пакета, который Райнер-Вернер держал в руках. Из пакета выглядывали фиолетовые листья какого-то растения. Листья самым безыскусным образом переходили в небольшие бледно-красные цветочки.

При виде Аглаи немец пришел в восторг. Он долго лобзал Аглаины перстни и кольца – так долго, что я начала беспокоиться. Но все обошлось. Спустя две минуты Аглая вырвала

руку и с милой улыбкой солгала:

– Рада видеть вас, Райнер.

– А это вам! – еще шире улыбнулся немец и протянул Аглае пакет. А потом неуверенно добавил: – Видимо, вам.

Аглая сорвала листок, потеряла его и повела носом:

– Базилик, – сказала она. – И что мне с этим делать?

Немец на секунду задумался.

– Засушить. И использовать как приправу. Замечательная вещь.

– Да. Вы большой оригинал, Райнер.

Действительно, большой оригинал. Притаранить пряность в качестве букета – до этого нужно додуматься. Базилик, надо же! Но это в стиле оставленного в Нюрнберге простака-папочки – дешево и практично.

Жалкий тип.

Мы эскортировали жалкого типа на кухню, где был приготовлен завтрак из серии «Утро с писателем». Интеллигентный кофе, полные скрытого достоинства тосты, нервный сыр со слезой и поджарый, тонко раскатанный пирог с клубникой из ближайшей кулинарии.

Райнер-Вернер уселся на стул, жалобно под ним скрипнувший, и осмотрел угощение.

– Я думал, что все будет по-русски.

– По-русски? – насторожилась Аглая.

– Ну да... Икра и водка.

Так и есть. Жалкий тип. А с учетом метелки, которую он

приволок, малыш Райнер не заслужил даже панировочных сухарей.

Видимо, Аглая думала точно так же.

– Вы переводите не те книжки, Райнер. И понабрались всякой чепухи. Поверьте мне, что завтрак по-русски выглядит именно так, как он должен выглядеть.

– Теперь я буду переводить нужные книжки, – Райнер ухватился за кусок сыра. – Вас, *meine liebe*. Поверьте, для меня это большая честь.

– Охотно верю.

Пока я варила кофе, они обменивались литературными любезностями, неспешно приняхиваясь друг к другу. Немец, как ни странно, оказался на высоте: книги Канунниковой читал, в названиях не путался и к тому же непрестанно нахваливал метрессу, как нахваливают неожиданно получившийся плов. Когда поток панегириков в адрес таланта Аглаи иссяк, сыр был съеден, а кофе выпит, Райнер-Вернер (привычно срыгнув) перескочил на Москву, в которой не провел и суток. Но за это время уже успел поднабраться впечатлений.

– Я гулял всю ночь, – доверительно сообщил он и сунул руку под стол: очевидно, для того, чтобы проверить, не потерялся ли член во время гуляний. – Москва – очень красивый город. И Россия – замечательная страна.

– Ну да, – заметила Аглая. – Замечательная. Если ты родился кедровой шишкой.

– Не понял?

– Давайте обсудим некоторые аспекты нашей будущей работы.

– А как же кедровые шишки? – Несмотря на свой идеальный русский, некоторые вещи Райнер понимал слишком буквально.

– Шишек вы себе еще набьете. Обещаю.

...Аглая оказалась не совсем права. Большинство шишек досталось мне.

Немец проторчал в Москве неделю, и за это время добил меня окончательно. И дело было не в его профессиональных качествах: как профессионал герр Рабенбауэр был почти безупречен (насколько я вообще могла судить со своим слабосильным университетским *Deutsche*¹⁰), разве что ему не хватало легкости и изысканности Аглаинового стиля. Как редактор своих собственных переводов он был основателен. Как переводчик, работающий с иностранным автором, – любознателен и дотошен.

Но все остальное!

Чем больше я узнавала Майне Кляйне, тем чаще задумывалась о его матери. Не на пресного же нюрнбергского папушу пенять, в самом деле! Должно быть, мать Райнера была хамоватой потаскухой, склонной к бродяжничеству, алкоголизму и промискуитету¹¹. К тому же ее, еще в младенчестве,

¹⁰ Немецким (нем.).

¹¹ Промискуитет – (от *лат.* – смешанный) предполагаемая стадия ничем не

наверняка выкрали цыгане. И привили любовь ко всему блестящему.

Райнер-Вернер тоже любил все блестящее: кроме двух серег в ухе, он был счастливым обладателем нескольких цепей с медальонами, серебряного браслета и перстня на мизинце. И хотя немец никогда не представлял передо мной в неглиже, я нисколько не сомневалась, что пупок у него проколот, а на детородном органе висят серебряные бирюльки в стиле инь и ян.

Наш совместный завтрак с Аглаей был первым и единственным.

Всю последующую неделю мы встречались на нейтральной территории – и только вдвоем: Аглая была слишком занята романом. После совместного распития кофе где-нибудь в недорогой забегаловке следовали прогулки по городу. Эти прогулки (Райнер уверял, что они необходимы ему для погружения в российскую действительность) были для меня сущей пыткой. Во-первых, Райнер-Вернер не пропускал ни одной юбки, да еще взял за правило обсуждать со мной достоинства и недостатки всех проходящих мимо женщин. Во-вторых, он донимал меня расспросами на весьма специфическую тему: что может понравиться русской женщине в... «Ну, вы меня понимаете, Алиса».

Я поджала губы и высказалась в том плане, что шлаться с

ограниченных отношений между полами, предшествовавших установлению в человеческом обществе норм брака и семьи (ред.).

ним в качестве гида по Москве я, так и быть, согласна. Но в том же качестве вышивать по койкам – извините, нет. Больше на эту тему понятливый немец не заговаривал. Зато переключился на Аглаю.

– Расскажите мне о фрау Канунниковой, – попросил он.

– Без комментариев, – ответила я. Этой фразе научила меня сама Аглая. «Без комментариев» – главное и единственное оружие личного секретаря.

– Но я не смогу уловить дух автора, не зная автора.

– Сможете, – уверила его я и добавила: – Самое интересное в Аглае – это то, что она пишет. Поверьте мне.

Последняя сентенция тоже принадлежала Аглае и была с успехом опробована ею в многочисленных интервью.

– Она была замужем?

– Без комментариев.

– У нее есть дети?

– Без комментариев.

– Как давно вы у нее работаете? Вы – ее родственница?

– Без комментариев.

– Когда вы в последний раз занимались сексом, Алиса?

– Без комментариев, – привычно пробубнила я. И тут же осеклась, а проклятый немец расхохотался, чрезвычайно довольный собой.

– Очень остроумно, Райнер. И, кстати, что мы тут делаем?

Только теперь я сообразила, что мы стоим возле станции метро «Алексеевская». И сердце мое тревожно сжалось. Со-

всем недалеко отсюда, на улице Бочкова, жила позабытая мною Дашка. Несколько раз я порывалась набрать ее номер и несколько раз клала трубку. Да и что я могла ей сказать? Что живу теперь в Москве и работаю у Канунниковой?

Этого она не переживет.

Быть может, потом, как-нибудь, при случае... Когда Канунникову перестанут читать... Или когда саму Дашку начнут печатать... Но внутренний голос подсказывал мне, что ни того, ни другого в ближайшее время не случится.

— ...У меня здесь встреча. Маленькая встреча. На пять минут. А после этого — Музей детектива, как вы и обещали. А потом...

Договорить Райнер-Вернер не успел. А я не успела дослушать. Потому что в поле моего зрения появилась... Дашка.

Только этого не хватало! И что она делает возле метро, ведь у нее же тачка! Появление Дарьи было таким неожиданным, что я не нашла ничего лучшего, как спрятаться за широкую спину дружественной нам Германии. И затихла.

У меня еще была слабая надежда, что Дашка пройдет мимо и юркнет в метро (кто знает, может, бесшабашная «Мазда» скоростно скончалась в пробках), но Дашка остановилась возле Райнера. Более того, Райнер нагнулся к ней, и до меня донесся звук поцелуя. А потом и Дашкин голос:

— Держи свой рюкзак, дорогуша.

Я намертво приклеилась к широкому ремню Райнер-Вернера: слово «дорогуша» все объясняло. «Дорогушами», еще

с университетских времен, Дарья называла мужчин, с которыми спала. Но как ей удалось переспать с темпераментным куском баварской сосиски и – главное – откуда она выцепила его?!

– Как насчет сегодняшнего вечера? – утробным басом проворковал Райнер.

– Я занята, освещаю презентацию одной попсовой книги, но если ты хочешь... – многообещающим альтом проворковала Дарья.

– Хочу, – Райнер качнулся вперед, обнажая тылы, и это неосторожное движение стоило мне подруги.

Дарья отстранила загребушие лапы немца и во все глаза уставилась на меня. Дернула себя за нос. Открыла рот и снова закрыла его. И снова открыла.

– Ты! – заорала Дарья, готовая броситься мне на шею. – Ты в Москве! А я-то ума не приложу, куда ты делаешься...

Она уже сделала шаг ко мне навстречу, когда туго сообщающий Райнер-Вернер ляпнул:

– Кстати, познакомься, это секретарь Аглаи Канунниковой. Я говорил тебе...

Даже если бы пакостный бундес представил меня как самку американского таракана *Periplaneta americana* – даже тогда на лице Дашки не отразилась бы такая гамма чувств.

– Ты?! Секретарша этой выскочки? – Видимо, не в силах переварить подобную новость, она повернулась к Райнеру-Вернеру. – Она?!

– Она, – немец слегка опешил. – А вы знакомы?

Дарья не удостоила его и взглядом. Теперь она смотрела только на меня.

– Значит, она. Секретарша. Цепная собака у климактерички с причудами. Бледная поганка. Синий чулок. Целка-невидимка, как ты изволил выразиться.

На немца жалко было смотреть.

– Я совсем не то... Ты не поняла... Это просто цитата из одной русской книги... Я цитировал... Die Shrecken!..¹² – не договорив, он схватился за голову.

– Заткнись! – синхронно сказали Райнеру мы с Дашкой.

– Пристроилась? – ехидно спросила Дарья. – И когда только успела?

– Успела, – ссориться с Дарьей не входило в мои планы, но теперь я почувствовала приступ ярости. Целка-невидимка, надо же!

– Значит, подштанники уже не кроишь?

– Нет.

– Конечно, не кроишь. Ты теперь их стираешь. – Дашка расхохоталась, чрезвычайно довольная собой. – Или чем ты там занимаешься, секретарша?..

Закончив уничижительную тираду, Дарья бросила такое же уничижительное «пока», развернулась на сто восемьдесят градусов и двинулась к пешеходному переходу. Через несколько секунд баварское отродье пришло в себя и даже

¹² Ужас (нем.).

попыталось припустить за оскорбленной Дарьей, но вовремя сообразило, что Аглая в моем лице – верный источник денег за перевод. А роскошная русская девушка Дарья – всего лишь интрижка на стороне.

– Мне так жаль, Алиса... Очень неловко получилось, – промямлило отродье.

– Да уж, – я подождала, пока Дашка скроется в переходе. – Значит, бледная поганка? Синий чулок? И... Как это вы еще изволили выразиться? Целка-невидимка?

Райнер-Вернер затряс пудовым подбородком.

– Нет-нет, что вы... Я был неправильно понят. Это цитата из русской книги. Я просто рассказывал вашей знакомой... Это ведь ваша знакомая, да?... Я просто рассказывал ей о своей работе. И о той чести, которую мне оказала фрау Канунникова...

– К вашему сведению... Я была замужем. И неоднократно, – здесь я явно преувеличила. В моем активе был лишь «Дервиш взрывает Париж», вовремя сменивший меня на призовую лошадь Тамару Константиновну. А также два неудавшихся гражданских брака – один длиной в месяц, другой – в три дня.

– Я не имел в виду ничего дурного... Я просто счастлив работать с очаровательной помощницей знаменитой писательницы...

– Это которая климактеричка с причудами? – уточнила я. Райнер-Вернер умоляюще прижал руки к груди и принял-

ся что-то лепетать по-немецки. Потом снова перешел на русский. Как же он был мне отвратителен!

– Я надеюсь... Что этот прискорбный случай... это страшное недоразумение не повлияет на наши отношения.

– Повлияет. Еще как повлияет, – заверила я Райнера-Вернера и пошла в сторону метро. Пришибленный случившимся Райнер поплелся за мной.

Какое счастье, что завтра этот debil убирается восвояси! Я, конечно, ничего не скажу Аглае, но... Интересно, где он познакомился с Дашкой? Нет, спрашивать его об этом я не буду. Много чести.

Терпения у меня хватило только до эскалатора. Я искоса посмотрела на топчущегося рядом немца и спросила:

– Где вы познакомились?

Он несказанно оживился. Но еще больше оживилась малосимпатичная мне область райнеровского таза. Райнер – совершенно произвольно – повилял бедрами и заискивающим голосом произнес:

– О, это знакомая моего приятеля. Он тоже немец, но уже несколько лет живет в России, изучает инвестиционный климат... У него много друзей среди богемы – актеры, музыканты, журналисты. Два дня назад он пригласил меня на вечеринку. Годовщина какого-то журнала. Там мы познакомились... И Дарья пригласила меня на кофе...

Зиппер Райнера закрипел, а поясной ремень щелкнул языком. Пригласила на кофе, как же!.. Сколько же нужно

было его выпить, чтобы забыть рюкзак? А характеристики, которыми снабдило нас с Аглаей это чмо? Интересно, когда у него развязался язык – до кофе или после койки?

– А вы знакомы с ней? – В голосе немца сквозило жгучее любопытство.

– Знакомы.

Сейчас он наверняка скажет: «Надо же, как тесен мир!»

– Надо же, как тесен мир! – промурлыкал Райнер. – Ну, вы больше не дуетесь?

Я не дулась, но в Музей детектива мы так и не пошли.

...Первое, что я увидела, вернувшись в квартиру Аглаи, был большой бумажный пакет, стоящий у двери. Я присела перед ним на корточки и заглянула внутрь. Из пакета торчали головки желтых гвоздик. Их было безвкусно много – я насчитала не меньше четырех десятков. Какой-то сумасшедший поклонник, не иначе. И то, что цветы у двери, легко объяснимо: Аглая никому не открывает, потому что к ней никто не ходит. А с парламентарями из жэка и «Мосэнерго», как правило, веду переговоры я. На меня никто не пялится и не просит оставить автограф на счете за свет.

Впрочем, происхождение цветов легко выяснить.

Я спустилась к консьержке, и она сообщила мне, что цветы действительно принесены Аглае; что принес их парнишка в «шапке козырьком назад, как называется, забыла, тьфу ты, черт»; что содержимое пакета проверено, взрывчатки не обнаружено и мин нет.

И передайте привет нашей писательнице, она такая талантливая, такая талантливая, мы все ждем ее новую книгу!..

Гвоздик в пакете было ровно сорок восемь – я обнаружила это уже в квартире, когда вынула их, собираясь поставить в две вазы (в одну они не помещались). Это не слишком мне понравилось, это не соответствовало правилам – ведь количество цветов в букете должно быть нечетным.

Даже такое – сорок восемь!

Не сорок семь и не сорок девять – сорок восемь! Делится на две вазы без остатка – в любых возможных вариантах. А может быть, Аглае исполнилось сорок восемь лет, я ведь до сих пор не знаю ни месяца, ни дня ее рождения... Ей исполнилось сорок восемь, и кто-то поздравил ее таким оригинальным способом.

Очень оригинальным: нечетное число – для живых, четное – для мертв...

Один цветок все-таки лишний.

Его нужно отделить от общей массы, и тогда все встанет на свои места. Я заберу его к себе в закуток, будет очень мило. Успокоенная этой мыслью, я отогнала Ксоло, вертевшуюся у меня под ногами. И она с пакетом от цветов в зубах отправилась на лежанку.

А через несколько минут на кухне появилась Аглая.

– Очень мило, – сказала она, мельком взглянув на гвоздики. – У вас появился поклонник?

– У вас. Эти цветы – ваши.

– Сомневаюсь.

В эту же секунду я тоже засомневалась. Я посмотрела на букет ее глазами; этому я, слава богу, научилась за три месяца – смотреть на все ее глазами. Гвоздики и вправду были слишком просты для утонченной Аглаи, от них пахивало почетными грамотами, одеколоном «Красная Москва» и колоннами пролетариата, стершего зубы на стройках социализма.

– Ну не выбрасывать же, – протянула я.

– Зачем же выбрасывать? Поставьте их у себя.

Остаток дня я провела в окружении гвоздик.

Из-за них я потратила целых полтора часа на очередное письмо, с которым обычно справлялась за двадцать минут. Из-за них я прочно застряла на термине «рогами шевелить» и плотно примыкающему к нему словосочетанию «рогач беспредельный», которые украшали страницы первого романа Аглаи. А теперь должны стать украшением ее глоссария.

Она ни от кого не ждала цветов. Цветы просто положили под дверь. И при них не было никакой записки...

Стоп.

Записка все-таки была. Мысль о ней пронзила меня электрическим током. Как я могла забыть! Она ведь и сейчас лежит в нижнем ящике моего стола!

Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я отодвинула ящик и дрожащими руками вытащила папку с гри-

фом «ПАСКВИЛЯНТЫ. АНОНИМЫ. ГОРОДСКИЕ СУМАСШЕДШИЕ». Дорого бы я дала за то, чтобы одно-единственное послание из этой папки никогда не приходило.

Но письмо было на месте. Полузабытое письмо с полузабытой угрозой:

«БОЙСЯ ЦВЕТОВ, СУКА!»

Вот они и пришли, цветы, все сорок восемь – довольно красноречивое четное число.

Стоило мне вынуть листок из конверта, как прежние, довольно абстрактные, страхи вспыхнули с новой силой. Я еще раз осмотрела гвоздики – теперь они не казались мне такими уж безобидными. Напротив, их растрепанные головки вдруг ожили, резные лепестки свернулись в трубочки и вытянулись в мою сторону.

Ничего опасного на первый взгляд.

Ни пистолетного дула, ни кинжального ребра. А что, если цветы обработаны каким-нибудь ядом?! Чем-нибудь вроде ртути или таллия? А я даже не знаю, как они выглядят. И можно ли ими хоть что-нибудь обработать... Господи, ну почему у меня в школе была тройка по химии?!

Несколько секунд я прислушивалась к себе: нет, ни тошноты, ни головокружения. И волосы не лезут пучками. И никаких резей в желудке, а о других симптомах отравления я не слышала и не читала. Да и в книгах метрессы злодеи

никогда не использовали яды. Удавки из манильской пеньки, струнные карнизы, холодное оружие всевозможных размеров и модификаций – от мачете и самурайских мечей до вязальной спицы; и старые добрые «макаровы», которыми так славно проделать дырку в черепе, – все это было. А вот ядов – не было.

Нужно избавиться от цветов. И чем быстрее, тем лучше.

Аглая накрыла меня, когда я тащила охапку гвоздик к двери.

– Все-таки решились? – сочувственно спросила она.

Я покраснела и пролепетала что-то невнятное, в духе: «Вот, решила забрать их с собой, если вы не возражаете».

Она не возражала.

...В последующие полтора месяца – до самой середины декабря – были присланы еще два букета желтых гвоздик – братья-близнецы первого. Борьба с цветами стала неотъемлемой частью моего существования. А бороться было с чем: телепередачи с участием Аглаи Канунниковой пошли косяком. В каждом уважающем себя эфире ей торжественно вручали традиционный букет роз. На творческих встречах выбор оказывался более широким: корзины хризантем от организаторов, связки гвоздик от любителей ее ранних – жестких – вещей. И задумчивые анемоны от ценителей поздней Аглаи – мастера детектива «закрытой комнаты».

Справляться с бесконечным потоком флоры было достаточно легко – Аглая не питала к цветам никакой любви. За

все это время мы схлестнулись лишь однажды – по поводу симпатяги-бонсая.

Карликовое деревце было преподнесено «любимой писательнице» недавно вернувшимся из Токио чинушей. Чинуша служил в одном из департаментов, еще не погорел на взятках и по самому малейшему поводу мотался за границу. Книги Аглаи стали для него чем-то вроде «самолетного чтива», с которым даже перелет Москва – Сидней оказывался не более продолжительным, чем перегон Планерная – Новоподрезково.

Бонсай умилил Аглаю и насторожил меня: еще бы, на деревце красовались мелкие цветочки, а лицо чинуши не вызвало никакого доверия. Это было лицо садиста, поднаторевшего на порке розгами социально не обеспеченных слоев населения.

Аглая так крепко прижала бонсай к груди, что я сразу же поняла: мне придется туго.

– Прелесть, не правда ли, Алиса? – сказала она, когда мы вернулись в квартиру на метро «Аэропорт».

Я пожала плечами.

– Пожалуй, я поставлю его у себя в кабинете...

Только этого не хватало!

– Не думаю, что это хорошая идея, – я ухватила за горшок и потянула бонсай к себе.

– Уберите руки, – голос Аглаи не предвещал ничего хорошего.

- Не уберу.
- Уберите.
- Не уберу.

Мы тащили деревце в разные стороны, и никто не мог одержать полной и окончательной победы. Пока в дело не вмешалась Ксоло. Собачонка подпрыгнула, ухватила меня за рукав и, шлепнувшись на пол, громко залаяла. От неожиданности Аглая выпустила горшок, а я, лишившись опоры, рухнула на пол. Вместе с бонсаем.

– Вы сошли с ума? – через секунду поинтересовалась Аглая, осматривая обнаженные корни деревца.

– Почти, – я тяжело дышала.

– Что происходит?

– Вы не должны... Не должны были приносить его домой.

– Подите к черту.

– Я пойду. Но хочу предупредить вас. Вы не должны принимать никаких цветов. Ни от кого. И не должны оставлять их в квартире.

– Она сошла с ума, Ксоло, – за неимением других собеседников Аглая апеллировала к собаке, которая пыталась лизнуть ее в лицо. – Я приняла на работу шизофреничку с манией преследования.

– Пусть так... Но вы не знаете...

Путаясь и сбиваясь, я рассказала Аглае о письме, максимально смягчив эпистолярные угрозы и опустив слово «сука». Аглая терпеливо выслушала меня до конца и рассмея-

лась.

– Так вот что вас взволновало, девочка? Покажите мне его!

– Я... Я его выбросила. Невозможно хранить такую гадость в доме.

– О чем еще я не знаю? – Аглая сменила гнев на милость. – Сколько их было, подобных писем?

– Одно. Только одно.

– Когда вы его получили?.. Подождите, попробую догадаться сама... Незадолго до того, как в доме появились желтые гвоздики, да?

Я кивнула головой.

– И вы решили взять на себя функции телохранителя? Я вас недооценивала...

Неужели прибавит жалованье?

Но ни о чем подобном Аглая даже не заикнулась. Совсем напротив, прочла мне лекцию о том, что каждый популярный человек должен быть готов к такого рода неожиданностям. И что это – всего лишь необременительная мзда. Копеечный билетик за проезд к станции под названием «Слава».

– И вы даже не знаете, кто мог вам послать цветочную метку?

– Понятия не имею. Слишком изысканно, чтобы подозревать первого встречного. Может быть, коллеги по цеху забавляются...

– Коллеги по цеху? – удивилась я.

– Мы, деятели масскульта, люди тяжелые. Не самых лучших душевных качеств, уверяю вас. Чужая популярность для нас – кость в горле. Стоит появиться кому-то свеженькому... Кому-то, кто чуть лучше перелицевал сюжеты Агаты Кристи... Или Чейза... Или красавчика Жапризо... И все. Конец карьере. Имя забыто. А ничего более тоскливого, чем забытый кумир, человечество не придумало.

– Так вы думаете...

– Лучше об этом не думать, – Аглая подмигнула мне. – И вообще, скоро вы с ними познакомитесь.

– С кем?

– С моими коллегами по цеху. Под Питером намечаются съемки одной любопытной передачи... Вы едете со мной. Так что повеселимся.

Я едва не упала от удивления. До этого Аглая не выказывала никакого желания пастись на одном лугу с прочими авторессами, даже больше – все ее публичные отзывы о них были окрашены легкой брезгливостью.

– А цветы? Что делать с цветами? А вдруг это не пустая угроза?

– Это пустая угроза. Не берите в голову.

– Но....

– Ничего страшного не случится... Ведь до сих пор же не случалось, правда? Но если вдруг... Если вдруг я паду, пронзенная стрелами молодого бамбука, обещайте мне, что присмотрите за Ксоло...

– Глупости.

– Обещайте.

Я пообещала.

Я пообещала, и бонсай был торжественно установлен в кабинете Аглаи. Больше я его не видела.

Впрочем, Аглаю я тоже почти не видела: она заканчивала роман. Тот самый, который должен был явить широкой литературной общественности новую Канунникову. Аглая почти не выходила из кабинета; иногда я и понятия не имела – дома она или нет. Ради последних страниц был заброшен даже кинотеатрик «КИНОЭТОПРАВДА24КАДРА-ВСЕКУНДУ» и наши воскресные в нем посиделки. Я не слишком переживала по этому поводу, тем более что теперь мне приходилось выдерживать натиск эмиссаров нескольких издательств. Эмиссары жаждали вырвать у строптивицы права на издание романа.

Аглая только посмеивалась: она придерживала товар, чтобы впоследствии получить за него по максимуму.

– И как долго это будет продолжаться? – Я была измотана телефонными звонками и потому имела законное право на этот вопрос.

– Перенесем решение на начало следующего года, девочка.

– До начала следующего года я не доживу.

– Ничего. Съездите на съемки, развеетесь. Питер ваша родина, кажется?

Надо же, она не забыла! Я была тронута.

За неделю до нашего отлета Аглае передали сценарий годоводней программы «Играем в детектив», а еще спустя четыре дня в Москве всплыл Райнер-Вернер. Немец привез только что переведенное «Такси для ангела» и теперь жаждал заключить договор на перевод следующей книги.

Декабрьский Райнер оказался намного симпатичнее октябрьского. И все потому, что предстал пред нашими очами в тулупе, валенках и косматой ушанке из собаки. Тулуп скрывал от посторонних глаз его глупую, чрезмерно развитую мускулатуру и слишком много о себе возомнивший пах. А ушанка делала немца похожим на скотника с обветшалой колхозной фермы.

– Где вы достали эту прелесть, Райнер? – спросила у него Аглая.

– О, это подарок. Немцы из Казахстана, очень приличная семья. Натурализовались в Германии несколько лет назад. Я обучал их языку...

– Только не раздевайтесь, – шепнула я Райнеру, когда мы остались одни. – Так у вас будет больше шансов на договор.

– Вы думаете?

– Уверена в этом.

Немец отнесся к моим словам серьезно. Настолько серьезно, что даже кофе пил в тулупе, держа шапку на коленях. Он не настаивал на водке, не упоминал все паюсную икру, ни разу не срыгнул, трижды удачно пошутил, еще столько же –

мелко польстил «unbegre¹³ фрау Аглае», а в заключение добавил, что удовольствие, которое она доставила ему своим романом, может сравниться разве что с удовольствием от...

В этом месте Райнер на секунду замолк и закатил глаза.

С удовольствием от группового секса со сборной по синхронному плаванию, – мысленно закончила я.

«С удовольствием от Германа Гессе, фрау Аглая».

Герман Гессе, надо же! Бедный ты бедный, не иначе, как с работой у тебя совсем тухло, если ты так цепляешься за эти переводы...

– Он тоже пишет детективы? – ревниво спросила Аглая.

Райнер-Вернер несколько озадачился, и, пока обдумывал ответ, Аглая выдала такое, что я чуть не свалилась со стула:

– У нас намечается маленькое приключение за городом, Райнер. Не хотите присоединиться?.. Мы чудно проведем время, обещаю вам...

...Зачем она позвала немца, о котором столь непочтительно отзывалась еще совсем недавно? Быть может, все дело было в сценарии телепередачи? Я прочитала этот сценарий не единожды, но так и не смогла понять, чем же он прельстил Аглаю.

Написать подобную лабуду можно было только с тяжелого похмелья. И с такого же похмелья взяться за ее реализацию. А предполагаемый антураж! Старинный особняк, винтовые лестницы, оплывшие свечи, треснувшие зеркала, пыльные

¹³ Непостижимой (нем.).

портьеры и сразившая меня наповал ремарка «в камине потрескивают дрова». Ремарка встречалась в сценарии раз пятнадцать и, очевидно, была главным двигателем сюжета.

За исключением приглашенных на съемку авторов детективов, разумеется.

Их – вместе с Аглаей – было четверо. И все они (во всяком случае, в сценарии) скрывались за аббревиатурами: СС, ТТ, ММ и АК.

Я не стала спрашивать о них у Аглаи, чтобы лишний раз не травмировать метрессу. Особенно после ее программных высказываний о конкуренции в масскульте.

О конкурентах – как о мертвых: либо хорошо, либо ничего. Это первое правило любого, даже самого незначительного, интервью деятеля массовой культуры. Никакой рекламы. Аглая выбрала «либо ничего» и за несколько звездных лет успела так выдрессировать журналистов, что уже никто не приставал к ней с вопросом: «Дружите ли вы с кем-нибудь из женщин-детективщиц?»

Соратницы по криминальной бойне платили Аглае той же монетой.

В этом я убедилась, покопавшись в мутной жижице Интернета. Там же я выловила сведения о СС, ТТ и ММ.

Аббревиатуры расшифровывались не так воинственно, как могло показаться на первый взгляд: Софья Сафьянова, Теодора Тропинина и – донельзя романтическая – Минна Майерлинг. Софья Сафьянова и Теодора Тропинина сотруд-

начали с издательством «Око-пресс», специализировавшемся на русопятом вале криминала. Ни одного сомнительного псевдонима, всем авторам выдается булава с мечом-кладенцом, после чего они формируются в полки и дружины. И с криком «Сарынь на кичку!» отправляются штурмовать книжные развалы.

Софья Сафьянова и Теодора Тропинина были лицом издательства. Сафьянова (как бывший работник прокуратуры) специализировалась на полицейском романе. Тропинина же оседлала иронический детектив и ваяла по десятку книг в год.

С Минной Майерлинг дела обстояли несколько иначе. Ее коньком был мистический триллер и бесчисленное количество сносок в текстах. И отсылок к картам Таро, Костанеде и сериалу «Восставшие из ада». Под нее даже организовалось издательство с красноречивым названием «ВЕЛИАР»¹⁴. Минна Майерлинг представлялась мне чахоточной вамп с браслетом на ноге и цыганщиной во взгляде. Одно имя чего стоило! Одно, покусанное вампирами, имя! Ах, Минна, Минна, несостоявшаяся супруга Дракулы...

Ну, а с АК...

С АК все было ясно. Аглая Канунникова, Автомат Калашникова, направленный прямо в сердце читателя. А мы с бесхитростным Райнером-Вернером будем вынуждены играть роль автоматных рожков. Мы – всего лишь свита знамени-

¹⁴ Велиар – князь бесов.

той писательницы. Именно поэтому она берет нас с собой, вторым и третьим номером после голозадой Ксоло. Именно поэтому мы летим самолетом, а не едем поездом, как все остальные. Все эти СС, ТТ и ММ. Именно поэтому мы прибываем на полдня позже.

Именно поэтому я сижу сейчас в кресле между Аглаей и Райнером-Вернером и меланхолично жду посадки в аэропорту Пулково.

И начала игры.

Мы будем играть королеву, играющую в детектив...

Глава 2

За шесть часов до убийства

...В аэропорту нас встречал утонченный молодой человек, представившийся режиссером программы. У режиссера было довольно экзотическое восточное имя, запомнить которое не представлялось никакой возможности. И после того, как Аглая несколько раз мило переврала его, режиссер предложил укороченный вариант – Фара.

Все сошлись на том, что «Фара» звучит по-свойски и располагает к доверительным отношениям.

В джипе, который должен был доставить нас к месту назначения, Аглаю ждали подмерзшие розы и еще один нацмен.

Нацмен являл собой полную противоположность аристократическому Фаре: плоское блинообразное лицо монгольского божка, узкие глазки и лоснящиеся черные волосы (без тюленьего жира здесь не обошлось, как пить дать!). Божок был облачен в лисью доху и снабжен четками из хорошо отшлифованного черного агата.

– А это наш радушный хозяин, – с ходу охарактеризовал нацмена Фара.

– Чингисхан местного разлива? – шепнула ему Аглая. Она умела говорить комплименты.

– Почти. Любезно согласился предоставить свой дом на

время съемок.

– Улзутуев. Дымбырл Цыренжапович, – Чингисхан местного разлива вполне по-европейски лизнул руку Аглае. –читаю ваши книги. Видел вас по телевизору. Рад приветствовать. Счастлив принять у себя. Надеюсь, вам понравится.

– Уже нравится, – пропела Аглая, и неизвестно, к чему это относилось: к самому божку, к его лисьей дохе или к джипу с четками. – Куда вы нас везете, Дымбырл Цыренжапович?

Черт возьми, она ни разу не споткнулась на имени! Несчастный режиссер Фара даже позеленел от ревности.

– У меня небольшой домик на берегу озера. Это севернее Петербурга. Заповедные места.

– Никогда не была в заповедных местах. А вы, Алиса?

Деревня Замогилы Псковской области – вот предел моих мечтаний. И ближние пригороды Питера с очумевшими туристами. И мелкий, покрытый тиной и нефтяной пленкой Залив. Озера – совсем другое дело. Озера кольцом опоясывают город с севера. Озера и сосны, по кускам распродаваемые в частную собственность.

Судя по дохе и заплывшему жиром затылку, этой собственности у Дымбырла Цыренжаповича – просто завались.

...Дорога заняла добрых два с половиной часа. И то только потому, что Монгол Шуудан шел на ста пятидесяти кэмэ, лишь изредка притормаживая, чтобы всучить взятки гаишникам. За превышение скорости. Аглая тоже внесла свою лепту в акцию «Нейтрализуй ГИБДД»: две книги с автогра-

фами для жен младших сержантов и старших инспекторов.

На нас с притихшим немцем Дымбрыл не обращал никакого внимания: очевидно, мы проходили по ведомству телохранителей. Безликих узкопрофильных специалистов. Восточные единоборства и греко-римская борьба в одном флаконе.

– Кто-нибудь уже приехал? – спросила Аглая у Фары.

– Все на месте. Ждем только вас.

Краем глаза я заметила торжествующую улыбку на лице Аглаи: примадонну всегда подают на десерт.

«Небольшой домик» гостеприимного Дымбрыла Цыренжаповича потряс мое воображение: он напоминал табакерку, увеличенную до размеров стационарного цирка-шапито. От табакерки шли два крыла, венчавшиеся башенками в готическом стиле. Фасад табакерки был утыкан окнами с витражами, а ближние подступы к ней охраняло несколько миниатюрных дацанов.

Между дацанами носилась свора черных доберманов.

Стоило только собакам попасть в поле нашего зрения, как Райнер-Вернер, и без того пришибленный происходящим, сунул руку между колен. Я с трудом подавила смешок: не зевай, немчура, береги мошонку! Яичница делается на счет раз-два.

– Солидно, – не удержалась от возгласа восхищения Аглая.

– Налоговой инспекции тоже понравилось, – Дымбрыл

самодовольно улыбнулся, продемонстрировав всем находящимся в машине хорошо подогнанные друг к другу, идеально ровные золотые зубы.

– А собаки... Это неопасно? – спросил Райнер-Вернер, а Ксоло, до этого спокойно сидевшая у меня на руках, залаяла.

– Опасно, – заверил Райнера Дымбрыл. – Но пусть дорогие гости не беспокоятся. Вас устроят в дальнем крыле. Отдельный вход и прекрасный вид на бухту.

Силуэты доберманов на хорошо утрамбованном, чуть голубоватом снегу тоже были прекрасны. Я даже залюбовалась ими, но Райнер все еще не мог успокоиться. Похоже, он уже жалел, что принял приглашение Аглаи.

– По-моему, их чересчур много...

– Разве? А я еще троих прикупил. Жизнь-то волчья, без собак не обойдешься.

Дымбрыл Цыренжапович лихо припарковал джип к ангару, смахивавшему на самолетный. К машине тотчас же подошли два охранника. Один из них осторожно вынул из джипа тушу хозяина, другой занялся нами.

Спустя несколько минут мы уже приближались к дому. Впереди, презрев все правила приличия, несся Райнер-Вернер. Мне с трудом удалось догнать его.

– Не будьте идиотом, Райнер! В конце концов, это неэтично. Пытаться ворваться в дом, не дожидаясь хозяина.

– С детства боюсь собак... Особенно таких больших. Меня покусал доберман, – на ходу оправдывался немец. – И по-

том, нас уже ждут.

Нас действительно ждали.

У крыльца, украшенного скульптурами двух каменных львов, стоял молодой человек в черном смокинге и белых перчатках. Все трое – и львы, и молодой человек – были уменьшенной копией самого Дымбрыла: те же узкие глаза, тот же приплюснутый нос, та же плоская, как будто раскатанная скалкой, физиономия.

На лицо молодого человека падали крупные хлопья снега, но он, казалось, не замечал их: пантеон монгольских божков не замечает подобных мелочей. Даже появление хозяина не внесло никакой сумятицы. Юноша лишь слегка наклонил голову.

– Проводи гостей, Ботболт, – эти слова Дымбрыл Цыренжапович сбросил юноше на руки вместе с лисьей дохой – на ходу.

На непроницаемом лице Ботболта отразилась напряженная работа мысли. Видно было, что арифметические подсчеты даются ему с трудом: вместо одной приглашенной в улус хозяина прибыло трое. Что делать с двумя лишними единицами?

– Комната на третьем. Резерв, – подсказал несчастному Дымбрыл. И снова обратился к нам: – Буду рад увидаться с вами через час. На обеде.

Он еще раз припал к руке Аглаи, с укоризной посмотрел на проштрафившегося трусишку Райнера-Вернера, скольз-

нул невидящим взглядом по мне, кивнул режиссеру Фаре – и удалился.

Мы остались в распоряжении меднолобого Ботболта.

Ботболт провел нас через огромный холл, больше напоминавший внутренности юрты. Сходство с юртой усиливалось из-за множества ковров: ковры лежали на полу, были развешаны по стенам, затягивали потолок. В коврах терялись чучела гепарда и пумы (уж не в местных ли болотцах подстрелил их хозяин?); в коврах терялись коллекции холодного оружия и вазы с сухими цветами; мы и сами едва не потерялись. И лишь в последний момент успели – вслед за Ботболтом – выскочить за полог ковра, который на поверку оказался дверью.

Языческое бурятское великолепие кончилось так же внезапно, как и началось. Коридор, в который мы попали, был самым обыкновенным новорусским коридором: мраморные плиты пола, мраморные стены, встроенные светильники, абстрактные картины в узких багетах.

– Интересный тип этот Дымбырл, – сказала Аглая режиссеру. – Чем он занимается?

Слегка подотставший от Ботболта Фара пожал плечами. Это могло означать все, что угодно: чиновник федерального уровня, нефтяной магнат, целлюлозно-бумажный король, преступный авторитет, глава коммерческого банка. В последнем я сильно сомневалась: с такой ряхой Дымбырл Цыренжапович мог возглавлять разве что пункт по скупке пуш-

нины у населения.

– Меценатствует? – не отставала от Фары Аглая.

– Как видите.

– Съёмки начнутся после... м-м... обеда?

– Съёмки начнутся завтра. Завтра утром придет вся съемочная группа. Много времени это не зай...

Аглая даже остановилась от неожиданности.

– То есть как это – завтра?! Вы хотите сказать, что я вынуждена буду просидеть здесь лишний день?!

Фара несколько смутился.

– Видите ли, это было его условие.

– Чье условие?

– Хозяина. Детективы – его слабость. Он предоставил нам часть дома для съемок только с тем условием, что вы с ним отобедаете.

– Я? Я, Аглая Канунникова? Или...

Фара смутился еще больше.

– Я и три грации, – Аглая язвительно улыбнулась. – Я и три медведя. Я и дракон о трех головах. Понятно.

– Но лично он встречал только вас, – подсластил пилюлю Фара. – Вы – первая.

– Я – четвертая, кому вы говорите «Вы – первая», умник. Иначе вы не взялись бы за этот дрянной проект. Ну, да черт с вами. Даже интересно.

Пока режиссер и писательница перебрасывались репликами, мы успели подняться по винтовой лестнице и оказались

на площадке с работающим телевизором и крошечным фонтанчиком: писающий Амур (он же Ботболт, он же Дымбырл, он же пара каменных львов). В азиатских клешнях Амура были зажаты лук и стрелы.

– Подождите здесь, – бросил Ботболт нам с Райнером.

На то, чтобы избавиться от Фары и показать комнату Аглае с Ксоло, у Ботболта ушло не больше пяти минут. Я даже не успела досмотреть по телевизору захватывающий рекламный ролик о милых сердцу гигиенических прокладках.

Вернувшись, Ботболт указал нам на лестницу:

– Следующий этаж. Вторая дверь справа по коридору.

Я заподозрила неладное.

– Подождите, Ботболт... Вы хотите сказать, что мы... Что мы будем ночевать в одной комнате?

Райнер-Вернер скромно потупился.

– Вторая дверь справа по коридору. Через час спускайтесь вниз, вас проводят.

– Но...

Глас вопиющего в пустыне. Скошенный затылок Ботболта не оставил мне никакой надежды.

– Пойдемте, – сказал Райнер-Вернер, когда шаги храмового служки затихли на лестнице.

– Я не сумасшедшая, чтобы селиться с вами в одном номере.

– Успокойтесь, я тоже не сумасшедший, чтобы к вам приставать. – Он щелкнул Амура по носу: видишь, дружище, с

какими стервами приходится иметь дело!

Я с тоской заглянула в колодец коридора. Где-то там, на самом его доньшке, устраиваются теперь Аглая и Ксоло. Предательницы, так легко обо мне позабывшие.

– Идемте же! – Немец потянул меня к лестнице.

Я подчинилась.

Мы поднялись еще на один этаж и без труда нашли вторую дверь справа. Судя по всему, до этого архитектурного аппендикса руки у господина Улзутуева не дошли. Над сомнительного качества дверью висел такого же сомнительного качества китайский фонарик. Если комнатуха не будет снабжена ширмой или хотя бы раздвижными перегородками, я заявлю протест.

...Как и следовало ожидать, ни ширмы, ни перегородок в комнате не было и в помине. Но самым неприятным оказалось наличие только одной кровати. Узкую кушетку, которая стояла у окна, равно как и два кресла, всерьез рассматривать не приходилось.

– Вы, естественно, занимаете кровать, – сказал Райнер-Вернер.

– Противоестественно, – парировала я. – Но все же занимаю.

– Интересно, за кого они нас приняли? – Райнер-Вернер сбросил тулуп на пол и с разбегу нырнул в кресло.

Я кисло улыбнулась. Комната не оставляла никаких сомнений на наш счет. С десяток пепельниц, дартс на стене,

шахматы на низком столике у кушетки (рядом с батареей крепких напитков); простецкий писсуар в ванной и никакого намека на биде. И никакого намека на задвижку, дверь просто прикрывается, и все. А если заглянуть под кровать, там наверняка найдется пара забытых носков забытых телохранителей забытых хозяев жизни.

Только белье было свежим, а на крючках в ванной висели такие же свежие полотенца. А из широкого окна открывался потрясающий вид на свежие снега. И на бухточку с маленьким замерзшим причалом. Давненько я не видела такой красоты.

– И почему фрау Аглая не представила нас этому странному человеку?

– Много чести – представлять обслуживающий персонал, – я с трудом оторвалась от умиротворяющего пейзажа.

– Так нас посчитали обслуживающим персоналом?

– Ну, если быть до конца откровенными, это соответствует истине.

– У вас, русских, столько комплексов... И вы так любите самоутверждаться за чужой счет. А это некрасиво, очень некрасиво...

– Тогда зачем вы согласились ехать сюда? Сидели бы в своем Мюнхене и не зависели бы от капризов вздорной распоясавшейся старухи. – Я все еще была зла на Аглаю. Я совсем не так представляла себе эту поездку. – Как вы когда-то утверждали – климактерички с причудами.

– Я прошу вас, Алиса! – Райнер поморщился. – И потом, она пригласила. Я не мог отказаться. Я никогда не отказываю женщинам.

Кто бы сомневался! А еще эта чертова не закрывающаяся ванная!..

– У нас целый час. Чем будем заниматься?

Немец устроился в кресле поудобнее и широко расставил ноги. Не смотри, скомандовала я себе, не смотри – иначе ослепнешь. Навсегда – как от паленой водки. Или на время – как от куриной слепоты. И еще ноги расставил, петух гамбургский. То есть мюнхенский. А «Гамбургский петух» – это совсем другое, это рубрика, которую вела Дашка в «Род Муви». Возможно, ведет до сих пор. Дарья ведь тоже не устояла: дала этому субчику не глядя, как дают сдачу с бутылки пива. Господи, ну почему...

– Господи, ну почему так происходит? – воззвала я к Райнеру-Вернеру. – Почему любое, даже самое безобидное, слово в ваших устах звучит как пошлость? Почему вы говорите: «Передайте мне соль», а слышится: «Дайте мне, не пожалеете»?

– Кому слышится? – Немец снял валенки и носки. Затем по-собачьи обнюхал и то и другое. И громко вздохнул. И полез в свой дорожный баул – за ботинками.

– Какая разница – кому?!

– По-моему, у вас большие проблемы, Алиса.

Я пропустила вполне прозрачный намек Райнера мимо

ушей.

– И не смейте заходить в ванную в ближайшие полчаса. Я буду мыться...

– Это предложение?

– Это предупреждение.

Неуемный Райнер поскребся в дверь через пятнадцать минут – стоило мне только намылить голову.

– Вам что-нибудь нужно, Алиса?

– Ничего, – отплеываясь, процедила я.

– Вы симпатичный человек. И неглупый, как мне кажется, – он подбирался ко мне издали, знаю я эти штучки! – Почему вы на нее работаете? Неужели не могли найти более подходящее место? Она ведь вами помыкает. Лишает индивидуальности.

– Не ваше дело, – я вооружилась зубной щеткой на случай внезапной атаки. Но Райнер-Вернер не делал никаких попыток ворваться в ванную, и совершенно неожиданно...

Совершенно неожиданно я почувствовала легкое разочарование. В том, что Бывший сделал мне ручкой, была и моя вина. Сексуальности и шарма во мне не больше, чем в хозяйственном мыле. Чем в рулоне туалетной бумаги. Чем в ножном электроприводе швейной машинки. Даже Райнер-Вернер, готовый покрыть все, что угодно, включая комнатные тапки и ручной эспандер, не испытывает ко мне ни малейшего интереса.

С возрастом это будет только усугубляться.

И Аглая для меня – спасение. Она неуязвима для сексуального экстремизма, под ее сенью я пережду самый солнцепек и спокойно перейду к сезону увядания. При условии, что Аглая протянет еще лет двадцать пять – тридцать...

– И все-таки, вы не ответили мне, Алиса.

– Без комментариев...

Продолжения дискуссии не последовало, и за дверью ванной наконец-то воцарилась тишина. Почти кладбищенская. Без комментариев, это точно...

* * *

...Я не дала поддержать себя под локоть и едва не скапались с крутой лестницы. Райнеру удалось перехватить меня в самый последний момент: за ворот рубахи, совершенно непочтительно. Мы рухнули на ступеньки, монументальный подбородок Райнера уткнулся мне в шейные позвонки и затыл, подонок.

Впрочем, мой собственный затылок тоже вел себя не самым лучшим образом: он и не думал отлепляться от немца, предатель Родины.

– Отпустите меня, – прошептала я, продираясь сквозь давно забытую чашу мужских запахов: одеколон, подаренный предыдущей любовницей; крем для бритья, подаренный нынешней любовницей; гель для волос, подаренный будущей любовницей (подругой нынешней); и жевательная резинка,

купленная в ларьке у станции метро.

– Я вас не держу.

– И помогите мне встать.

– Да, конечно.

Райнер-Вернер потянул меня вверх – чтобы тут же выпустить. Я снова упала на ступеньки и, кажется, отбила себе зад. Но теперь моя плачевная судьба никого не интересовала. И Райнера – меньше всего.

Позади нас стояла Дашка.

Я глазам своим не поверила. Если ее появление у станции метро «Алексеевская» еще можно было хоть как-то объяснить, то присутствие здесь, за семьсот километров от Москвы, в вотчине бурятского миллионера, – это не лезло ни в какие ворота!

– Развлекаетесь? – спросила Дарья совершенно будничным голосом. Как будто мы расстались вчера вечером, а не два месяца назад.

Вероломный, как план «Барбаросса», немчишка едва не наступил ботинком мне на голову и, глядя на Дарью снизу вверх, принялся страстно бормотать, как он, натюрлих¹⁵, рад видеть фройляйн Дарью, и как он, натюрлих, счастлив, и как он все эти месяцы помнил о ней. И о том, натюрлих, времени, которое они провели вместе. И что вдалеке от Москвы он, натюрлих, надеялся на встречу, но даже не подозревал, что встреча будет такой волшебной. А надо было запо-

¹⁵ Естественно (*иск. нем.*).

дозрить, ведь в случае с фройляйн Дарьей это совершенно натюрлих.

– Зиг хайль! – отчеканила я, когда Райнер-Вернер закончил свою пламенную речь.

И захохотала.

Они посмотрели на меня как на сумасшедшую.

– Вывезла на природу свою мумию? – спросила у меня Дарья, как только мы спустились вниз. – А мюнхенский до-рогуша помогает тебе перетаскивать ее с места на место?

Я оставила выпад в сторону Аглаи без последствий. В конце концов, Дарья имеет право на ненависть к Канунниковой. И на постельные отношения с герром Рабенбауэром, чтоб ему век валенок не снимать.

И тулупа.

– Ты-то что здесь делаешь?

– Представь себе, выбила командировку, чтобы освещать съемки этой зашибенной передачи. Места под материал дают немного, но... Четыре гюрзы в клубке, четыре самки тарантула в банке – нужно быть законченной дурой, чтобы пропустить такое зрелище.

– Четыре самки тарантула?!

– Разуй глаза! Твоя Великая Аглая – не единственная. Есть еще три соискательницы на вакантную должность Королевы Детектива.

– Должность уже занята.

– Да-а... Ты, я смотрю, поглупела за то время, что мы

не виделись. Лучше бы нанялась на работу к какому-нибудь приличному малотиражному писателю. Постоянному автору журнала «Континент». Он бы тебя уму-разуму научил.

Грызться с Дарьей у меня не было никакого желания. И не было никакого желания наблюдать, как отдаляется от меня моя лучшая и единственная подруга. Как из-за ничтожнейшего повода рушится многолетняя дружба. А может, все это – дурной сон? И сейчас она рассмеется, обнимет меня за плечи и скажет: здорово же я тебя разыграла!

Но вместо этого Дарья подошла к чучелу пумы и подергала его за усы. А потом повернулась ко мне и вполне светски спросила:

– Ну, и как тебе здесь?

На одной чаше весов лежали писсуар, дверь без задвижки, одинокая арестантская койка и джинсовый беспредел Райнера-Вернера Рабенбауэра. На другой – скованное льдом озеро. И бухта с причалом.

– Пока терпимо. Ты что-нибудь знаешь о хозяине?

– Ничего. По-моему, у него сеть меховых магазинов... И еще, кажется, несколько казино. Но это непроверенная информация...

Говорить о господине Улзутуеве (в присутствии его ковров и коллекции холодного оружия) Дарья явно не хотела. И перескочила на Райнера-Вернера, отправившегося на поиски хозяев.

– Вы, я смотрю, поладили? – подколола она меня.

Я даже не подозревала, что в кротком Дашкином организме может быть разлито столько желчи. Я даже не подозревала, как неуютно стать ее врагом. Врагом неназванным, но тем не менее существующим реально. Врагом блестящей московской журналистки; врагом ее тщательно наложенного макияжа; врагом ее тщательно подобранного платья из бутика.

Я – совсем другое дело.

Я – секретарша известной писательницы. Гораздо более известной, чем марка швейной машинки «Минерва». Но это ничего не меняет. Я – обслуживающий персонал, как выразился Райнер-Вернер. Я отказалась от самостоятельной карьеры в «Рoad Муви» – и ради чего? Ради рутинной работы у Аглаи Канунниковой...

– ...Прямо два голубка, – продолжала издеваться Дашка.

– Мы живем вместе. Можешь спросить у него.

Эта фраза вырвалась у меня случайно, но была почти правдой: в ближайшие пару дней мы с Райнером-Вернером будем занимать одну комнату.

– Ах, вы живете вместе, – вспыхнула Дарья.

– Он сделал мне предложение, – я решила добить ее окончательно.

– Вот как!..

– Вот так.

– Учти, он бабник.

– Он покался.

Пока Дарья соображала, чем ответить на такое вероломство, в холле появились Райнер-Вернер и Ботболт. Райнер-Вернер на крейсерской скорости в тридцать три узла подгреб к Дарье и – спустя секунду – с той же скоростью дал задний ход. Краем уха я услышала что-то вроде «козла» – и улыбнулась обоим. Первый раз в жизни я сделала гадость. Довольно увлекательное занятие, нужно признаться.

Не отличающийся особой разговорчивостью Ботболт кивнул головой, и мы последовали за ним.

Чтобы через несколько минут занять свои места за обеденным столом.

Обеденный стол, напоминавший гандбольную площадку, стоял в самом центре зала, напоминавшего крытый стадион. Кроме стола, в зале располагались два камина, два дивана, два телевизора с примкнувшими к ним видеомагнитофонами, две горки для посуды и два комплекта рогов – над дверями. Одна из дверей вела в небольшой коридорчик, который соединял зал с кухней.

Дальний угол зала занимали огромные напольные шахматы. Искусно вырезанные из кости фигуры представляли собой ликбез по бурятской мифологии. Я то и дело выворачивала шею, чтобы рассмотреть приземистые очертания божеств.

Аглаи не было. Аглая, как всегда, выдерживала паузу.

А за столом сидели три женщины.

Очевидно, это и были СС, ТТ и ММ.

СС, ТТ и ММ, спустя рукава изучившие творческое наследие Станиславского. Если бы они были чуть более прилежны, то поступили бы так же, как Аглая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.